ИСТОРИИ ДЛЯ НЕПОСЛУШНЫХ

И.Д.Н.

КЛЕТКА ДЛЯ БУЙНЫХ

А. ТЮРИН А. ЩЁГОЛЕВ

АЗБУКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Настоящее счастье привалило семикласснику Сашке Токареву по прозвищу Токинг.

Развлекательный центр со всеми прибамбасами, мечта всей жизни, засиял у него в комнате ручками и кнопками. А еще и часы, каких ни у кого нет. Живи, Токинг, и радуйся.

Но вот незадача – проснулся утром Саша, заглянул в зеркало, а там – телевизор! Да что телевизор, через пару дней Саша превращался во что угодно. Не жизнь, а сплошной прикол.

Но вдруг оказывается, что за все удовольствие нужно дорого платить. А иначе прощай нормальная жизнь.

Эту повесть высоко оценил знаменитый писатель-фантаст Борис Стругацкий.

- Александр Тюрин, Александр Щёголев
  - Борис Стругацкий об этой книге:
  - Александр Тюрин, Александр Щёголев
    - День второй.
      - 1.
      - 2.
      - 3.
    - Воспоминания о дне первом.
      - 4.
      - 5.
      - 6.
      - 7.
      - 8.
      - 9.
    - Воспоминания продолжаются.
      - 10.
      - 11.
    - Вернемся в день второй.
      - 12.
    - Наступила ночь третья.
      - 13.
      - 14.
    - День третий.
      - 15.
      - 16.
    - Ночь четвертая.
      - 17.
    - День четвертый.

- 18.
- 19.
- Вечер последний.
  - 20.
  - 21.

Александр Тюрин, Александр Щёголев
Клетка для буйных

Борис Стругацкий об этой книге:

Откровенно говоря, мне не очень-то нравятся повести из жизни школьников. По-моему, почти все они – какие-то малоправдоподобные. Нормальные, обыкновенные школьники там встречаются редко, зато в них полным-полно удивительных мальчиков и девочек, до такой степени хороших, что в реальной жизни они существовать бы просто не смогли. Не выжили бы.

Наверное, авторы подобных повестей рассуждают примерно так: «Если мы будем описывать только очень хороших, воспитанных, чистоплотных учеников, у которых полный порядок с учебой, то и наши читатели быстренько сделаются такими же хорошими, воспитанными и успевающими.»

Конечно, было бы неплохо решить таким простым способом все сложные проблемы воспитания, однако пока этого не получается. Количество хороших, воспитанных и успевающих школьников увеличивается не слишком быстро, но зато быстро растет число школьных повестей, которые не интересно читать из-за их сомнительной достоверности.

Поэтому я с особенным удовольствием рекомендую читателям повесть-сказку Александра Тюрина и Александра Щёголева. Школьники, которые в ней живут и действуют, на мой взгляд, очень похожи на реально существующих. Читатель наверняка обнаружит среди них кое-кого из своих знакомых, если оглядит окрестности пристальным взором или просто посмотрится в ближайшее зеркало.

Кроме того, авторы еще и люди с воображением. Они окружили своих героев странными и страшноватыми чудесами, так что в результате получилась очень правдивая волшебная сказка.

Приятного чтения!

Борис Стругацкий

Александр Тюрин, Александр Щёголев
Клетка для буйных

День второй.
Мститель

1.

…рано утром в назначенный час три фигуры в синих джинсовых костюмах встретились возле школы. Точнее, у мусорного бака в школьном дворе. Фигуры выглядели мрачными, сосредоточенными, готовыми решительно действовать.

– Слушать меня, – жестко сказал главный – Вы вдвоем, – он ткнул пальцем, – ждете за углом. Устройте засаду. Я, – он ударил себя в грудь и поперхнулся, – я караулю гада у входа. Вмажу ему портфелем и бегу сюда. Гад, конечно, рванет за мной. Здесь мы его и выключим. Кому непонятно?

– Когда прибежит, обязательно выключим, – энергично отрапортовал второй.

Третий брякнул невпопад:

– А у меня сегодня день рождения. Саня, магнитофон-то дашь? Обещал ведь!

Операция началась.

С отсутствующим видом мститель в синем прогуливался неподалеку от дверей школы. Мимо тек поток школьников разной высоты и разной успеваемости. Иногда к мстителю подходили одноклассники и задавали глупые вопросы. Приходилось уклончиво отвечать. Он терпеливо ждал. И наконец дождался.

Душман появился, разумеется, впритык. Мститель в синем сделал резкий выдох, поднял воротник пиджака и мужественно пошел на сближение. Он зашел врагу в хвост, некоторое время крался след в след, прикидывая, куда ударить, и в наиболее подходящий момент опустил портфель на голову негодяя. Затем побежал, как и было задумано.

– Это что, наезд? – сказал Душман удивленно. Но бежать вдогонку не стал. Он просто швырнул мешок со сменной обувью. Мешок летел красиво, а конечной точкой его полета оказался загривок обидчика. Тот охнул, вильнул, но на ногах удержался. Перед тем как нырнуть за угол, обернулся и увидел, что Душман спокойно подобрал мешок и пошел учиться.

– Он испугался! – крикнул запыхавшийся мститель друзьям. – Бежим за ним в школу!

В школе вышла обидная накладка: дежурные по вестибюлю задержали Алекса, самого преданного из соратников. Они заподозрили, что тот не переодел уличную обувь. Мститель

понял, что надеяться на друга уже нельзя, – его промурыжат до второго звонка. План рушился напрочь. Но сдаваться – не в правилах настоящих мстителей. Рядом продолжал сопеть верный товарищ Петя Жаров, и можно было продолжать борьбу.

Они настигли Душмана в конце коридора и атаковали его с ходу. Дальше должна была восторжествовать справедливость, но Душман разозлился. Он оттолкнул Петю Жарова, тот покорно упал и больше не поднимался. Мститель принял боевую стойку и нанес сокрушительный удар, – впрочем, не попал. После чего оказался на полу с разбитым носом.

– Ты сам этого хотел, щенок, – сказал Душман и сделал грязный след на спине поверженного врага – несменной обувью. Когда же он удалился, мститель встал на четвереньки и простонал:

– Барабан, ты живой?

Жаров неторопливо поднялся и стал отряхиваться.

– Я копил силы, – объяснил он. – Жалко, не успел схватить гада за ногу. – Он старался не смотреть на товарища. А когда все-таки взглянул, то испугался. – Токинг, из тебя кровь… И с глазом что-то…

Действительно, вид у человека, названного Токингом, был ужасен: нос расквашен, глаз заплыл. Настоящие боевые ранения.

– Беги скорей к докторше, – взмолился Жаров.

Далеко бежать было не надо. Медпункт находился на первом этаже, в этом же крыле здания. Как раз и медсестра шла на работу. Петя Жаров закричал:

– Сюда, сюда! Сашка ранен!

– Тихо, придурок, – зашипел мститель, но было поздно. Его привели в медпункт, кинули на топчан, запихали в нос ватку с какой-то гадостью, положили на синяк пузырь со льдом. Женщина в белом дружелюбно сказала:

– Ну что, доигрался, герой? Кто это тебя отделал? Деловой партнер?

Он промолчал. Он в муках осознавал свое поражение.

Часы не вернул, Душману не отомстил, сам вообще в медпункте лежит… Медсестра вышла из процедурной в соседнюю комнату, сказав: «Полежи спокойно, я пока журнал заполню». Выяснив фамилию пострадавшего, она углубилась в канцелярскую работу. А пострадавший беспокойно ворочался на жестком ложе, не находя себе места от позора, и думал…

2.

…часы-то я, конечно, отберу. И отомщу страшно! Пока,

правда, не знаю как. Например, карбида за шиворот насыплю.

Ну и гадина этот Душман! Хапнул вчера мои часики, а потом три перемены подряд от нас с Алексом ускользал, мы только зря по коридорам и классам рыскали. Наконец подловили в столовой. Так он нам по щелбану выписал, вместо того чтобы по-хорошему вещь отдать, и просил приходить еще: любит он, мол, таких неугомонных. А мы и сделать ничего не смогли, потому что дружок его поганый рядом стоял.

Такой план вчера разработали! Тонкий план. Собирались подловить гада втроем: я, Алекс и Жаров. Договорились прийти пораньше и встретить Душмана перед уроками: он один будет и помощи ему ждать неоткуда! Думали, по полу его размажем, затем ботинки об него вытрем, размечтались… А план взял и не удался – всегда так с хорошими планами.

Может, в самом деле нажаловаться? Многие вчера об этом твердили, и вообще, любой бы на моем месте сразу побежал по учителям… Ладно, сам справлюсь. Душман у меня еще наплачется.

Только бы он часы не успел загнать. Мои часы…

3.

«…Мои часы, – продолжал думать Саша Токарев. – Мои часы…» Эти слова завертелись в голове, не давая спокойно лежать, как того требовала медсестра. Ему было жалко – и себя, и вещь. Просто-таки хотелось заплакать. И еще было страшно обидно.

Какая-то сила зарождалась в нем. Какая-то сила непреодолимо сковывала его тело. Саша пытался сопротивляться, но сила рывком подняла с кровати, заставила согнуться, прижала голову мальчика к коленям. Он не успел ни удивиться, ни испугаться. Что-то подсказало ему: «Прыгай». Он сделал усилие, пытаясь прыгнуть, и тут же почувствовал, что оказался в клетке. Теперь перед глазами была только кожаная обивка топчана. Послышался голос медсестры: «Ты из шестого „а“ или „б“?»

Он попробовал ответить, но не сумел. А потом услышал шаги и удивленный возглас: «Ты где?»

Медсестра Сашу Токарева не замечала! Она проговорила:

– В окно сбежал, что ли? Закрыто…

Саша напрягся, пытаясь посмотреть вбок. Поле зрения медленно сместилось. Женщина стояла рядом, взгляд ее, бессмысленно блуждавший по комнате, вдруг устремился прямо на него.

– Телевизор… – сказала медсестра растерянно. – Кто принес

телевизор?

Затем резко крутанулась и выскочила вон, хлопнув дверью.

Тут Саша наконец испугался. Теперь он точно знал, что не спит. Однако происходящее поразительно напоминало сон, который приснился ему утром. Несколько мгновений он паниковал, а потом вспомнил, что во сне ему удалось все-таки вырваться из клетки – после того, как рванулся изо всех сил. И он судорожно рванулся. Ощущение было таким, как на американских горах, – знаете, когда в груди становится пусто, а внутренности куда-то проваливаются. Саша распрямился, больно стукнувшись затылком об изголовье топчана. И остался лежать.

Колотилось сердце, мысли мельтешили, как мелюзга на перемене. Точнее, мыслей в помине не было. Были только остатки страха, вытесняемые двумя чрезвычайно острыми желаниями. Первое желание – найти Источник бодрости. Сашин взгляд немедленно впился в электрическую розетку на противоположной стене комнаты – ага, с этим в порядке. Второе – отыскать Источник мудрости. «Антенна, где же здесь антенна?» – встревожился Саша. В процедурной указанного источника явно не было, и он испытал внезапный приступ дурноты.

Неестественные для мальчика желания. Саша Токарев спустил ноги с топчана и осознал: он делает что-то не то. Что-то нечеловеческое.

Скрипнула дверь.

– Саня, ты здесь? – глухо спросил Алекс. – Ну как?

– Шухер! – прошипел Петя Жаров. – Идут!

Друзья исчезли, будто не было их.

В медпункт вошли две женщины.

– Этот? – раздраженно воскликнула директриса. – Что вы мне голову морочи… – Она вдруг осеклась. Очевидно, присутствие мальчика напомнило ей об основах педагогики.

– Ой, – только и смогла сказать медсестра. Директриса бросила на Сашу прокурорский взгляд.

– С кем дрался? – спросила напрямик. Тот, криво улыбнувшись, выдавил:

– Дорогие товарищи, многие из вас… – он запнулся, будто прислушиваясь к чему-то, – еще отдыхают перед началом трудового дня, поэтому не забудьте уменьшить громкость ваших телеприемников… – Саша жалобно посмотрел на директрису, – то есть вашего передатчика…

Лицо директрисы обвисло, на секунду стало очень глупым. Потом хищно заострилось.

– Фамилия? – профессионально спросила она.

– Ток… – Саша запнулся. Он хотел сказать «Токарев».

Но первые буквы его фамилии неожиданно увязались с напряжением электрического тока в сети, которое, как ему показалось, упало в данный момент. Он спохватился. Мозг вдруг пронзило ужасное предположение: не уменьшился ли размер по вертикали?! Саша обхватил голову руками и попытался удержать расползающееся изображение. Даже вскрикнул:

– Пожалуйста, подкрутите ручку! Ну пожалуйста!

Вот теперь для директрисы все было ясно. Мальчик учинил драку, а сейчас отвратительно дерзит, да еще корчит рожи. Надо было срочно наказывать ребенка. Директриса с ходу написала в дневнике распоясавшегося Токарева замечание о его безобразном поведении, а уходя, распорядилась направить ученика в районный травмпункт – «во избежание». И, пристыдив школьника взглядом, покинула помещение.

Медсестра собралась было спросить у пациента, не видел ли он здесь большой телевизор, но постеснялась Кроме того, ей хотелось поскорее избавиться от странного ребенка.

В коридоре Токарева поджидали друзья. Он показал им освобождение от занятий и монотонно произнес:

– В травмпункт не пойду. Пойду домой. Дома дела.

– А мы рисование мотаем, – похвастался Алекс. – И новый план разрабатываем.

– Токинг, а ты из-за этого… – Петя Жаров показал на Сашин «фонарь», – про обещанный магнитофон не забыл? Дашь?

Саша повернулся и зашагал прочь.

Все было вполне обычно: свойственные погожему дню старушки на скамейках, несомые ветром прохожие, наглые воробьи, – и ему показалось на мгновение, что ничего такого не произошло, что учебный год начался так же, как всегда. То, что приключилось с ним в медпункте, никак не умещалось в голове. Поэтому Саша не стал терзаться попусту. Ему вспомнился вчерашний день Но воспоминания разволновали его еще больше, поскольку и вчера хватало загадочных мелочей! Собственно, непонятные события начались с прошлой ночи, из-за чего Саша и не выспался тогда, хотя обычно…

Воспоминания о дне первом. Униженный

4.

…я очень хорошо сплю. Однажды в детстве я упал с полки в поезде – и то не проснулся. Вот и в лагере ребята обижались. Набьют мне ночью рот зубной пастой, потом ждут, предвкушают, – а я хоть бы что, дрыхну себе.

Но прошлой ночью почему-то проснулся. И соображаю: где это я? Никто рядом не сопит, не жует под одеялом, пружинами не скрипит, не шлепает босиком в соседнюю палату девчонок пугать. На летний лагерь не похоже… Наконец разобрался: я же дома! Три дня, как вернулся.

А по комнате гуляют непонятные звуки. Не лагерные и не домашние, глупые какие-то звуки. Как будто отряд старушек кряхтит и бормочет. Целый хор: скрипы, вздохи, шелест. Иногда раздается зловещий треск – похоже, ломается что-то деревянное. Мебель?.. Жуть, я даже вспотел! Наверное, эти звуки меня и разбудили. Кто там? Бандиты, пришельцы? Может, Шери забралась в комнату? Шери – это наша кошечка… Нет, кошки так не скрипят.

Звуки идут отовсюду. Особенно выделяется один – со стороны книжного шкафа – низкий, жалобный, словно корова плачет. Хотя откуда мне знать, плачут ли коровы? Я присмотрелся: смутно темнеет махина шкафа – и всё. Никого. Звук глухой, будто внутри кто-то сидит и подвывает басом.

Короче, стиснул я зубы, выполз из-под одеяла и подкрался к выключателю – бесшумно и мужественно, как индеец. Звуки тут же исчезли. Я моментально зажег свет и резко отпрыгнул в сторону. Никто на меня не бросился. Тогда я обшарил комнату. Капитально обшарил! Действительно, никого – ни пришельцев, ни нашей кошки. Что за ерунда? На всякий случай заглянул под кровать, но там, извиняюсь, только горшок был. Я им давно не пользуюсь, честное слово!

Показалось, что ли? С кем не бывает, особенно ночью.

Я выключил свет, снова улегся, долго-долго прислушивался. Тишина, ничего подозрительного. Я закрыл глаза и, наверное, заснул, потому что, когда…

5.

…когда Саша Токарев снова открыл глаза, было уже утро, утро второго сентября, и пора было собираться в школу.

Некоторое время он лежал неподвижно. Еще до конца не проснувшись, он ощутил озабоченность: предстояло совершить нечто ответственное. Саша окинул яснеющим взглядом комнату и вдруг понял, с какого именно действия нужно начать этот день. Решительно встав, он шагнул к музыкальному центру. Затем опустился на колени и принялся нежно протирать черную панель замшевой тряпочкой.

Он завершил священнодействие. Погладил ряды кнопок, поулыбался. После чего его юный интеллект посетила новая забота. «Продать бы ту рухлядь, – подумал школьник, имея в виду старый магнитофон, который он вчера запихал на антресоли. – И купить у Хлумова пяток дисков по дешевке. Вроде бы у него с деньгами туго».

А потом началось настоящее утро: Саша поставил кассету и под бодрящую музыку начал одеваться. Танцуя, надеть штаны нелегко, поэтому, когда в комнату заглянула мама, Саша прыгал, как кенгуру, застряв ногами в штанине.

– А я уж тебя будить собралась, – перекрикивая соло на синтезаторе, сообщила мама. – Сашуля, завтрак на столе. Мне бежать пора. Почисти зубы и не забудь, что тебе сегодня в школу.

И исчезла.

Саша послушно вычистил зубы, позавтракал, собрал портфель, выключил музыку и уже почти ушел. Но тут вспомнил про обещание. Надо бы захватить для Алекса сборник фантастики, Алекс вчера просил. Пришлось задержаться.

«Он, кстати, здорово вымахал», – подумал Саша о своем друге и немного расстроился. Позавчера на медосмотре шестиклассник Токарев с горечью убедился в том, что по росту он опасно приблизился к концу шеренги. Почти все ребята за лето заметно удлинились. А у него почему-то только нога стала на два размера больше. «Не тем местом растешь», – пошутил Алекс. Ему-то хорошо! Зато смешно было, когда Петьке Жарову кое-что на спине нарисовали. А он жирный такой – и не заметил. Повернулся спиной к докторше, смутил тетю.

До книг добраться не удалось, стекла на нужной полке книжного шкафа заклинило намертво. Саша поставил портфель, снял куртку, уперся в стекло обеими руками и снова попытался сдвинуть неожиданную преграду. Шкаф слегка содрогнулся, но не уступил. И тут Саша внезапно вспомнил… Странный ночной концерт, шорохи и вздохи, завывание из книжного шкафа… Неприятное воспоминание. Впрочем, странности можно обдумать потом, да и Алекс прекрасно проживет денек без фантастики:

толку-то от этих книг. В общем, Саша Токарев схватил портфель и, суетясь, выскочил на лестницу. Время поджимало, а ведь нужно было еще…

6.

…Маринку захватить, небось тоже опаздывает. Она живет этажом выше и вдобавок сидит со мной за одной партой. У нас с ней плодотворный дуэт: уроки в соавторстве делаем. Она мне всякую математику, а я за нее рисую, пою и сочинения пишу. В прошлом году такое сочинение загнул на тему «Как я провела лето», что ее родителей в школу вызывали. Чем она мне особенно нравится, так это бутербродами. Она уникальные бутерброды мастерит! И зря их в школу берет, все равно к концу первого урока от них даже «спасибо» не остается. Я человек увлекающийся.

Только я собрался вверх по лесенке пробежаться, а Марина тут как тут и вместо «здрасте» портфель мне в руку сует. Она за лето изменилась. Возмужала, что ли? Массу набрала и ростом почти с Алекса. Как с ней танцевать-то? Не класть же голову ей на плечо?

Идем по улице, я ей про свою технику рассказываю. Она, позевывая, слушает. У меня ведь теперь дома целая система. Система – это когда все есть, понятно? Просто папа у меня бурильщик. Раньше помбуром по области мотался, а тут наконец на Север отправили, уже мастером. Все лето в тундре просидел, в недрах ковырялся. Нефть искал. Приехал уставший, бородатый, шумный – привык там на оленей орать, – зато денег привез чемодан. Мама обрадовалась, сказала, что наконец-то папа мужчиной стал.

Хорошо, что я в лагере был. Папа вернулся – меня нет. А он так соскучился, что всю мою комнату подарками завалил – этой самой системой. Потом не выдержал, приехал с мамой ко мне в лагерь, похвастался покупками. Я до конца смены еле досидел. Эта техника мне даже снилась в лагере. Я ее еще не видел, но зауважал, а когда увидел, совсем влюбился.

Вообще-то, я батяне и так бы обрадовался, без подарков.

Папин друг дядя Сева сказал, что у меня теперь этой техники – как грязи. Он прав. Телевизор, правда, у нас общий на всех, экран огромный и плоский – 29 дюймов по диагонали. С плазмой, как в термоядерном реакторе. Картинка круче, чем в кинозале! Про звук и говорить не надо. Натуральный Долби. Как долбанет, уши срезать может.

А все остальное – мое! Музыкальный центр – классная вещь,

две колонки, сто ватт на канал. Когда низкие частоты идут, у меня в животе гудит. Дисков только маловато. Видеосистема российского производства, но по японской лицензии. Это вообще отпад! О такой я даже и не мечтал. В ней, кстати, встроенная память есть – на десять фильмов, – причем, половина памяти уже заполнена. Хотелось бы чего-нибудь этакого, экстремального, но в магазине папе записали только мультики (хорошо хоть бесплатно). Ладно, у Хлумова возьму дисков напрокат, он у нас бизнесмен… Имеется и кое-что особенное – специально для продвинутых детей вроде меня. Навороченная игровая приставка, которая к телевизору присобачивается – раз! Плюс наручные часы с калькулятором и приемничком – два! – таких точно ни у кого нет. На упаковке было написано, что у них с другими такими часами беспроводная связь, но я пока не знаю, что это такое. Собирался сегодня инструкцию с японского на наш переводить.

Мои часы… Эх…

Короче, кончил я рассказывать. Смотрю, восторг только у меня остался. Марина идет рядом, скучает. Я ее спрашиваю:

– Ты чего?

– Я ничего, – пожимает плечами. – А ты чего?

– И я ничего.

Почегокали мы так, потом она вежливо поинтересовалась:

– А почему папа тебе компьютер не купит?

– Наверное, думает, что игровая приставка полезнее. Это ж, в принципе, тот же компьютер, только она без телевизора не может. Они как муж и жена.

Марина тут почему-то покраснела и закашлялась.

– Э…а какая разрешающая способность у телевизора?

Разрешающая способность? Вопрос на сто долларов, как сказал ковбой в одном фильме. Быстренько соображаю:

– Папа разрешает мне все смотреть.

Она хихикнула и взглянула на меня, как на Петю Жарова.

– Я, – говорит, – про количество строк на экране.

Тоже мне, отличница! Нет, чтобы спросить о чем-нибудь человеческом. Сколько стоит, например. Или когда можно в гости прийти, кайф словить.

– Ну и дура, – отвечаю.

Тогда она посмотрела на меня, как на Хлумова, но не обиделась. Сказала, глупо ухмыляясь:

– Лирик недоразвитый, – и жест сделала.

Стал я думать, как ее на место поставить, а она уже любопытствует:

– Ну, что там в лагере? Не обижали?

– Да кто меня обидит, – веско говорю. – Кому себя не жалко?

Я ведь физически бить не стану, пачкаться. У меня удар психический.

Марина засомневалась, но видно было, что скучать перестала. Психическая сила – это тема.

– Давай-давай, ври, – подбодрила она меня.

– Чего зазря врать, – спокойно продолжаю я. – Было бы кому. Для тебя и правда сойдет.

И наврал ей про то, как тренировал в себе летом психическую мощь. Будто бы начал с кузнечика – посадил в банку и несколько дней взглядом подавлял его волю. Наконец получилось. Потом навострился бабочек на лету сбивать. А когда силу свою узнал, то за вредных людей взялся, были у нас такие. Во-первых, один белобрысый кент из моего отряда – идиот липучий. Во-вторых, наша вожатая – натуральный шизик. И особенно начальница лагеря – эта вообще дрессировщица. Наверное, в цирке подрабатывает – ослов воспитывает. Так я однажды момент поймал и всех их разом подколол. В столовой это было. Белобрысый кент второй стакан киселя выпросил, нес его обратно мимо начальского стола, тут я и вмазал. Мысленно, конечно. Белобрысый споткнулся, шмякнулся, а весь свой любимый кисель – той самой вожатой за шиворот. Она завизжала, подпрыгнула от испуга, тут я влет и ее снял. А она, не будь дурой, схватилась рукой за первое попавшееся, чтобы не упасть. Первым попавшимся оказалось лицо начальницы лагеря, которая очень кстати сидела рядом. Вожатая, конечно, упала, и заодно опрокинула начальницу лагеря вместе со стулом. Та только ножками дрыгнула. Дальше вообще спектакль! Дежурный по столовой как раз тащил кастрюлю с киселем. Но за него не беспокойтесь, он удержался на ногах и даже кастрюлю из рук не выпустил, только кисель на клиентов опрокинул. Так они и лежали, в киселе мокли. Больше, между прочим, кисель в столовой не варили. А я понял, что растрачивать психическую силу на дураков бесполезно: они становятся еще вреднее, а ты без киселя остаешься.

Объяснил я все это грамотно, популярно, с использованием серьезных слов. Наверное, поэтому Марина не очень-то и поняла. Она спросила, приостановившись:

– Саш, а что такое медитация?

Я сказал:

– Это когда спишь и видишь, чего хочешь.

Ей понравилось, она даже загорелась:

– Меня научишь?

Пока я думал, чем бы еще ее удивить, мы уже к школе подошли. А дальше…

7.

…начался новый учебный год. Строго говоря, учебный год начался вчера, первого сентября, когда состоялся Урок Мира и Единства, а потом школьников распустили по домам. Сегодня же – второе сентября, первый день настоящих занятий.

К счастью, Саша Токарев не забыл взять с собой сменную обувь, поэтому он благополучно преодолел пост бдительных дежурных по вестибюлю. Но попасть в класс с первого раза не удалось. Беспощадные девочки из санитарного патруля отправили его мыть уши и шею. Странно, в прошлом году проверяли только руки.

Когда грянул звонок, возвестивший начало первого урока, все чинно расселись по местам. В наступившей тишине Матильда величественно прошествовала к учительскому столу. Собравшиеся почтили приход педагога вставанием.

– Здравствуйте, дети. Садитесь.

– Здравствуйте, Мария Теодоровна!

– Я чувствую, в этом году будет много двоек, – констатировала учительница, окинув взглядом детские лица. И подмигнула классу, довольная шуткой.

«Вливания начались», – тоскливо подумал Саша Токарев.

Но через пять минут эта мысль забылась: свирепая математичка приступила к объяснениям. Она увлеченно беседовала с доской, покрывая ее загадочными письменами-формулами, которые тут же стирала. Атмосфера разрядилась, класс расслабился. Наиболее воспитанные шептались, остальные просто разговаривали. Да и разве не о чем было поговорить? Многие занялись своими делами: кто-то кидал шарики из жевачки, кто-то шуршал конфетами, кто-то азартно шипел: «Ты – труп!» и лупил по кнопочкам своего «Геймбоя».

Рядом с Сашей Токаревым сидела Марина Мерецкая, главный ценитель Сашиного творчества. Впереди надежно прикрывал Петя Жаров, его здорово было хлопать по спине. Не кулаком, конечно, а ладонью или учебником. Отличный звук, гулкий. А сзади располагались Саша Чернаго и Лена Печкина, или попросту Алекс и Печка. Хорошая подобралась компания. Лена Печка первая пригласила соседей пообщаться, она пощекотала Сашу Токарева рисовальной кисточкой за ухом и нежно зашептала:

– Сашка, привет! Говорят, ты разбогател?

– Я у него вчера был, – вступил Алекс. – У Токинга классная аппаратура, я от одного вида забалдел. Везет же дуракам.

– А «Свисти Свинс» есть у Сашки? – спросила Лена.

– Чего это? – Алекс не врубился.

– Ну, группа такая.

– Во-первых, не группа, а певица, – пояснил Саша Токарев, наконец удостоив общество вниманием. – Знать надо. Во-вторых, не «Свисти», а «Свистни». Псевдоним у нее такой – Свистни Свинс, – он подумал и прибавил. – Псевдоним – это кликуха по-нашему.

Тут и Марина повернулась.

– У него все есть. Теперь к нему каждая фря проситься будет.

– Сама ты фря, Мерецкая, – не сдержалась Лена. – Сама ты к Токингу бегаешь. Правда, Сашка?

– Вы еще моих часов не видели, – немедленно отозвался Токарев. – Я их вчера забыл взять. Смотрите. – И он торжественно показал левую руку. Все послушно вытянули шеи.

– Я уже видел, – заметил Алекс, – класс!

Лена Печка выдала очередь:

– А чьи они? Какая фирма? А что они делают?

– На перемене покажу, – солидно пообещал Саша Токарев.

Вдруг ожил Жаров. Повернулся чуть ли не с партой.

– А мне, мне!

Алекс вступился:

– Токарь, дай Барабану поиграть. – И пошутил: – Только смотри, чтобы случайно не сел на них.

Саша Токарев расстегнул браслет и потряс часами перед лицом Жарова. Тот уныло посмотрел и промычал, насупившись:

– Отстань…

– Эх, Барабан, – сказал Саша, похлопывая Жарова по спине. – Ни одного нового слова за целое лето не выучил. Например, «брось».

Тут Сашу щелкнули по макушке свернутой тетрадкой. Это был Хлумов с соседнего ряда. Хлумов не имел ни клички, ни имени – только фамилию.

– Дай, – сказал он.

Саша показал фигу, посоветовал:

– Решай свою задачу, – и отвернулся.

Сосед снова щелкнул его тетрадкой – на этот раз по затылку – и скучно повторил:

– Дай. – И невыразительно добавил: – А я тебе журнал попсовый покажу.

– Пойдет, – не смог отказаться Саша, но нервно предупредил: – Только не жми на кнопочки!

– Я все знаю, – бесстрастно заметил сосед.

– Токарев! – вдруг раздался резкий возглас.

– Тебя вызывают! – Марина пихнула Сашу локтем. Тот стал подниматься на ослабевших вдруг ногах, а Марина лихорадочно

зашелестела учебником. Но было поздно.

– Токарев, ты уже решил задачу?

– Не успел, Мария Теодоровна.

Учительница торжествующе улыбнулась.

– Давай я тебе помогу. Повтори, пожалуйста, задание.

Через минуту Саша сел, недоуменно глядя на замечание в дневнике. Первое в этом году.

– Хлумов! – позвала Мария Теодоровна. – Тебе тоже надо помочь?

– Мне помогать не надо, – спокойно сказал Хлумов. – Икс равен минус восьми, игрек – двести семь. – При этом что-то мелькнуло в его глазах. Будто ряд чисел пробежал.

Учительница недоверчиво заглянула в свою тетрадь:

– Правильно…

Саша Токарев быстро оправился от позора. Да и какой тут может быть позор, если вещь, которой нет ни у кого в школе, плотно облегает запястье, приятно утяжеляет руку… Блестят кнопочки калькулятора, солидно подмигивает индикатор настройки приемничка, внушает благоговение надпись: «Кусайко».

– Дай.

Это снова был упорный Хлумов.

– Не до тебя, – уныло сказал Саша. – Зануда рыжая.

И Хлумов отвязался. Стал с кем-то говорить по мобильнику, про сбор и сдачу лома цветных металлов. Саша с неприязнью подумал, что телефончик у рыжего тоже нехилый, на сто баксов потянет.

Тут осенило Петю Жарова, он брякнул:

– Слушай, Токинг, зачем тебе часы? В школе ведь звонок есть.

И действительно, в конце урока раздался…

8.

…звонок.

Класс мгновенно вынесло в коридор. Вокруг Саши быстро образовался кружок любопытствующих, сам же он, подражая Матильде, приступил к объяснениям, одновременно демонстрируя невиданные возможности заграничного устройства.

– Для особо одаренных повторяю: калькулятор и счетная машинка – это одно и то же. А теперь мы послушаем учебную программу «Понтового радио»…

Перебивая Сашу Токарева, его друг Алекс взахлеб рассказывал о чудесах сногсшибательной компютерной игры, которую он вчера видел у Саши. Он сопровождал выступление

разнообразными звуковыми эффектами.

Все было прекрасно. Концерт близился к концу. И к полному удовольствию солистов, он завершился бы завистливыми возгласами публики, если бы иностранные звуки не приманили двух семиклассников. Один из них был известен всей школе под кличкой Душман. Кличка, заработанная честным трудом. Этот человек любил душить голубей и других пернатых братьев.

– Чей музон? – пробасил Душман, входя в круг. По пути он отодвинул Сашу Токарева.

– Его. – Несколько пальцев показали на отодвинутого.

– Что там у тебя? – приветливо спросил Душман. И, не дождавшись ответа, взял часы из рук онемевшего Саши.

– Фирма, – произнес второй семиклассник и причмокнул. Душман осведомился:

– Зачем они тебе?

В наступившей тишине Саша Токарев промямлил:

– Время…

– Не умеешь ты говорить, – горестно вздохнул старший товарищ. – Но я тебя понял. Хочешь время знать? Держи, часы фабрики «Закат» самые лучшие, пятьдесят лет уж тикают, не сдаются.

Он снял свои часы, сунул их оторопевшему Токареву в карман и отечески похлопал его по плечу:

– Тебе повезло, сынок. Это подарок ко дню Мира и Единства.

Затем снова убрал Токарева с дороги, взяв пятерней за лицо, и не спеша двинулся прочь.

– Пошли, Серый. Невежливые какие-то дети. Не дети, а сущие тинейджеры.

Саша очнулся.

– А часы! – завопил он.

Душман на ходу обернулся, крайне удивленный:

– Какие часы? – И спросил у дружка: – Ты случаем не знаешь, о чем базар?

Тот пожал плечами.

– Может, он про те часики, что ты ему подарил.

И тут прозвучал звонок на урок. Шестиклассники побежали на третий этаж – в кабинет истории. Только Саша Токарев с Алексом, очнувшись, бросились в другую сторону – догонять наглого Душмана. Увы, тот уже скрылся в классе, и разъяренный Саша был вынужден временно подчиниться обстоятельствам.

Вот так вчера и…

9.

…уплыли от меня мои любимые ходики. Такое кидалово! Можно было бы и пожаловаться, да засели в голове правильные книжки про всяких графов Монте-Кристо и Безголовых Всадников, которые всегда мстили сами. Хотел быть на уровне. И получил пару щелбанов для начала, а сегодня и вовсе – нокаут. Главное – от кого! Обезьяна волосатая. Ну, ничего, он Токарева еще не знает, сквитаемся… Заморочила меня эта история с часами. Пока метался, не заметил, что назревают такие чудеса! В самом деле, уже прошлой ночью что-то было. И вчера вечером, и этой ночью, ну а сегодня утром – вообще…

Алексу – что! Пришел вчера после уроков ко мне в гости – мультики смотреть. Сам-то я уже три раза их видел. Клевые у меня мультики, правда, иногда в них по-английски мяукают или гавкают, но там и так все ясно. Алекс доволен был, как кот! А напротив него на телевизоре Шерочка лежала, хвост на экран свесив – тоже довольная. Картинка. Он просидел с застывшим взглядом часа два. Лишь один раз голову повернул, чтобы вопросик мне задать.

– Изображение тоже Долби?

– Ты что, лопух? – сказал я ему. – Звук – Долби, объемный значит. Мало тебе, да?

Потом Алекс вспомнил, что его ребята ждут: он дурака свалял, обещал за наш дом в футбол играть. Меня с собой звал, но я не пошел. Неохота. Только пыль на пустыре гонять. Тут Алекс впервые позавидовал: мол, имей он такое кино дома – ему тоже было бы неохота, и я бы точно так же напрашивался к нему в гости.

У дверей он вдруг вспомнил:

– Слушай, я же хотел книжку взять!

Странная штука. Как и утром, я не смог отодвинуть стекло полки, на которой лежал сборник фантастики. И Алекс не смог. Но дело не в этом. Оказалось, что заклинило стекла на всех полках книжного шкафа, и ни одну книгу не вытащить. Алекс огорчился, я – не очень. Я давно уже всю фантастику из шкафа прочитал. К тому же мне вполне хватает фантастических мультфильмов, читать не хочется. Смотри себе – и думать не о чем…

У меня неприятности, а им всем плевать! Будто сговорились, честное слово! Шли это мы после школы домой впятером. И выяснилось, что Петя Жаров не такой уж балбес. Недаром, оказывается, он помощь в борьбе с Душманом предложил. День рождения, говорит, завтра (то есть уже сегодня). И этак по-простецки спрашивает при всех: «Не одолжишь ли магнитофончик на вечерок?» Под магнитофончиком, как

выяснилось, он подразумевал музыкальный центр. И такую рожу деревянную состроил, будто ничего особенного тут нет. Не смог я отвертеться… Главное – не старый мой мафон попросил, а лучшую, можно сказать, вещь из системы!

После школы было много вариантов расслабиться. Ребята предлагали мне космических пришельцев искать: кто-то на помойке странный след нашел. Девчонки звали в кружок бального танца: им, видишь ли, партнеров не хватает. И Алекс не вовремя вспомнил про рацию. Конечно, мы давно мечтали ее сделать, детали копили, представляли, как переговариваться будем по ночам. Раньше, может быть, все это меня и увлекло бы. Но сейчас нет никакого настроения глупостями заниматься. Алекс меня понял.

– Какая рация, – засмеялся он, – если я твоих мультфильмов не видел!

Еще Марина подколола – поинтересовалась, почему я психическую силу не применил против Душмана. А я и забыл уже, что там ей наплел утром. Кое-как отбрыкался. Она, кстати, домой убежала и меня звала, обещала обедом накормить. Но я отказался: надоели ее шуточки. И Ленка почему-то слиняла в музыкальную школу, хотя очень напрашивалась в гости. А Петьку за его наглость я просто отшил. Такие воспоминания…

После Алекса явилась Марина. И прямо с порога:

– Саша, ты про уроки не забыл?

– Какие уроки! – возмущаюсь. – Ничего не задано!

– Я и говорю, забыл.

Она прошла в комнату и спокойно объяснила:

– У нас завтра литература и рисование. А на лето задали сочинение и рисунок, помнишь?

Я что-то смутно помнил. Марина продолжила:

– Сочинение на тему «Моя мечта о прекрасном». А нарисовать задали то, что любишь, что сам захочешь. – Она улыбнулась. – Между прочим, Санечка, нам на двоих нужно по два экземпляра.

Приучил на свою голову! Но заняться действительно пора.

И мы занялись. Вернее, только начали, потому что дальше дело не пошло. Обнаружилось множество подлых мелочей, вредящих работе. Не горела настольная лампа, с надсадным скрипом выдвигались ящики письменного стола, впустую корябали бумагу все ручки. Привычные, полностью «мои» вещи стали чужими, какими-то неживыми. Это во-первых. А во-вторых, когда Марина снабдила меня собственной ручкой и тетрадкой, я сел в лужу. За десять минут напряженного труда и тяжких вздохов сочинил всего одну фразу: «Зачем мечтать о прекрасном, прекрасное надо иметь». Больше ничего в голову не лезло.

Хотелось включить музыку… И я не выдержал. Я встал и врубил Свистни Свинс. При этом мысленно сострил: «Мой прекрасный магнитофон – это мечта. Для кого-то, но не для меня».

Марина сидела в большой комнате, смотрела мультики. Услышав музыку, вошла ко мне. Заглянула в тетрадку и расстроилась:

– Ты чего, Саша? Раньше сочинения пек, как я блины…

Я слегка разозлился:

– Мне мечтать не надо. У меня все есть.

Марина не поняла, тогда я пояснил:

– У кого ничего нет, пусть тот и мечтает о прекрасном, – и крутанул громкость.

Когда я перестал баловаться со звуком, Марина разочарованно сказала:

– Ладно, лирик. Сама напишу.

Она демонстративно выдрала страницу с моей гениальной фразой, а тетрадку забрала. Затем добавила:

– Рисовать-то ты, надеюсь, не разучился?

Я немножко обиделся и молча достал краски, преодолев упорное сопротивление ящика письменного стола. Я рисую гуашью. Но выяснилось, что краска засохла вчистую! Во всех баночках! Мне стало чуть-чуть не по себе. Что в доме творится?

– Рисование отменяется, – объявил я и показал Марине краски.

Она не скрывала, что окончательно разочаровалась во мне.

– Пора идти, – нудным голосом сообщила она. – Надо уроки делать.

– Скучно станет мечтать – спускайся, – сказал я напоследок. – У меня уйма прекрасного.

Наверняка прибежит. Куда денется? Когда Марина ушла, я взял лист бумаги, карандаш и прикинул: что бы мне такое нарисовать? Как что?! Есть домашнее задание – нарисовать что-нибудь любимое. Я обвел взглядом комнату и нарисовал телевизор – в шутку, конечно. Получилось неплохо. Я развеселился и дорисовал к телевизору глаза, нос и рот. Вышла рожица, чем-то похожая на меня. Все-таки я умею рисовать. Дура ты, Мерецкая.

В честь маленькой победы я захотел чего-нибудь сбацать. В большой комнате стоит пианино, и, между прочим, не зря: я музыку сочинял, разные «собачьи вальсы» для школьных мероприятий. Откинул крышку, ударил по клавишам.

Пианино было расстроено. Я никогда не слышал настолько расстроенного пианино! Елки зеленые…

Это было вчера вечером. Именно тогда я впервые

почувствовал какую-то опасность, затаившуюся в квартире. Мне сделалось страшно. Я даже подумал: «Скорее бы пришли родители, и все встало бы на свои места». Смех! Я надеялся, что к концу вечера странности забудутся, я лягу спать, спокойно засну, и ночью мне будет сниться…

Воспоминания продолжаются. Заколдованный

10.

…навязчивый, глупый сон. Или это был вовсе не сон? Ему казалось, будто он, скрюченный до невозможности, сидит на корточках в тесной клетке. Нос уткнулся в колени, руки сцеплены и прижаты к затылку. Дикая поза! При этом клетка стоит на его кровати.

Саша попытался расслабиться, но ничего не получилось. Кто-то назойливо лез к нему, злобно пинаясь, явно желая еще больше его уплотнить. Это продолжалось не очень долго: Саша поднатужился и выпихнул наглеца. Тот пару раз ткнулся и отстал. Была ночь…

11.

…а потом настало утро. Сегодняшнее утро. Саша Токарев вдруг понял, что он не спит, поскольку прямо перед своим носом увидел простыню, чему очень удивился. Одновременно он ощущал, что находится совсем не в том виде, в котором принято спать. Правда, в каком именно – Саша не знал: ему никак не удавалось на себя посмотреть. И, заволновавшись, попробовал шевельнуться. Безрезультатно. Он чувствовал себя скованным, согнутым, сдавленным, будто в гипсе. Тело было каким-то деревянным. Саша испугался, подумав: «Неужели обчистили? Меня связали, а систему вынесли…» Он еще раз напрягся и с большим трудом сумел повернуть голову. Себя он так и не увидел, зато теперь его взгляду открылась часть комнаты. С облегчением Саша обнаружил, что техника на месте. А в стекле книжного шкафа он увидел отражение кровати. Почему-то на кровати стоял телевизор, и Саша с досадой отметил непорядок: «Вечно родители все в мою комнату сваливают, склад устраивают». Тут он осознал явную несуразицу. «А где же я? – задал себе глупый вопрос И предположил в том же духе: – Нет меня, что ли?» Саша испугался по-настоящему. Вернее, запаниковал. Попытался крикнуть – ничего не вышло, даже губ своих не почувствовал. Тогда, переполненный ужасом, он дернулся изо всех сил, совершил отчаянный рывок, комната крутанулась – ему показалось, что его подбросило в воздух, – и секунду он летел, выпрямившись. А потом во что-то врезался и

обнаружил себя лежащим на полу возле кровати.

Блаженство разлилось по телу. Свободен! «Надо же, какой сон приснился, – подумал Саша Токарев. – Ну я и рванул, даже с кровати свалился!» Он сел, разминая затекшие руки и ноги. «Зачем этот сон? Может, примета какая-то? Главное – все как взаправду». Саша немного посидел, вспоминая. В том числе и ночную чепуху, когда кто то лез к нему в клетку, пихаясь. Затем решил, что пора одеваться, встал и уверенно направился к электрической розетке – мимо стула с одеждой. Подойдя, он растерялся «А что теперь? Пальцы совать?» Саша остановил себя. «Если дернет, мало не покажется!»

Он почувствовал, как что-то чужое зашевелилось в нем, и ему стало тоскливо. Совершенно необходимо было найти… Выход, по ту сторону которого все станет ясно… Или вход? Ему вдруг нестерпимо захотелось отыскать наконец какую-нибудь антенну, и это желание было похоже на дурноту. Механически шагая, он вышел в большую комнату.

Здесь был папа. Папа собирал бумаги и складывал их в портфель.

– Санька проснулся! – воскликнул он. – Ну и походка у тебя. Ты что, брейком увлекся?

– Па, а как ко мне антенна подключается? – нетерпеливо произнес Саша вместо ответа. – Скоро ведь программа передач!

– Шутник ты у меня, – сказал папа, довольный сыном. А сын мучительно соображал, зачем же он ляпнул такую фразу.

Папа весело подмигнул:

– Как техника? Ничего еще не сломал? – Он не скрывал гордости. – А то я накупил тебе на свою голову…

Саша хотел сообщить, что все отлично, что кое-кто в школе ему завидует, но вместо этого неожиданно отчеканил:

– Вся аппаратура работает нормально!

Папа озадаченно посмотрел.

– Да-а, – протянул он, – отстал я, видно. В наше время так не шутили. – И, сипло хихикнув, пробормотал: – Мы больше по другой тематике…

Саша бездумно подошел к телевизору, потрогал пластиковый корпус и почему-то вспомнил ночной сон. Тот самый, с клеткой. Тогда он смерил руками набитый электроникой ящик и спросил нормальным голосом:

– А человек в телевизор влезет?

И вдруг понял с облегчением, что наваждение исчезло.

Радость была огромна! Она была так велика, что, не поместившись в груди, вырвалась наружу в виде индейского вопля. Саша хохотнул, щелкнул себя по ушам и тут же вспомнил,

что ему необходимо торопиться. Из головы мгновенно вылетели всякие там кошмарные сны и необъяснимые заскоки: его ждали друзья, его ждало священное дело мести.

Не знал он еще, чем закончится это утро. Не предполагал, что через какой-нибудь час…

Вернемся в день второй. Оборотень

12.

…молодой человек шел из школы домой, не отсидев и одного урока. Лицо молодого человека – на зависть встречным! – блистало истинно мужской красотой. Особенно вокруг глаз. Он шел, замедляя шаг, потому что все яснее понимал простую вещь: на какое-то время его тело принимало вид телевизора. Причем собственного (семьдесят по диагонали) телевизора! Это превращение происходило отнюдь не во сне. Освобождение от занятий и украсившее дневник замечание директрисы подтверждали факт чуда. Тот телевизор, который утром лежал на его кровати, был он сам – Александр Токарев. И в медпункте… Будь он пластилиновым героем из мультика – куда ни шло, а так – полнейший бред… Мало того: Саша понял и другое! Обретая человеческий облик, он сохранял что-то от вещи. Неестественные желания, чужие фразы – это были остаточные явления. Или «отходняк», как сказал бы папин друг дядя Сева. Хотя Саша, конечно, не мог знать точный смысл упомянутого слова.

Однако неясностей оставалась уйма. Например, является ли способность превращаться в телевизор его собственной или это результат воздействия посторонней силы? Повторятся ли превращения впредь? И главное – может ли он осуществить превращение по своему желанию или нет?

Поэтому, когда Токарев пришел домой, он не бросился включать видеосистему или музыкальный центр, и даже не засел за игровую консоль – аннигилировать космических монстров. Он выгнал из большой комнаты вечно сонную Шери, закрыл дверь, тщательно занавесил окна и начал эксперимент.

…Первым делом опуститься на корточки. Затем съежиться, обхватить руками ноги и достать головой колени. Ладно, будем считать, что поза принята. А дальше?..

Дальше Саша стал ждать. Но ничего не происходило. Саша проявил самоотверженность – еще больше скорчился. У него даже шея заныла. Было ясно, что в такой позе долго не высидишь. Он подумал то ли с радостью, то ли с огорчением: «Не получится». И в этот момент его наполнили обрывки ощущений, мыслей, страхов, сопровождавших недавнее превращение в медпункте. Он вспомнил: была сила, которая скрючивала и стягивала его, – сила, возникшая в нем самом! Воодушевившись, Саша начал

лихорадочно искать в себе эту силу, вернее, представлять ее. И не ошибся.

Ему внезапно стало тесно и жарко. Какой-то голос – может быть, голос этой силы? – подтолкнул его: «Прыгай! Прыгай в клетку!» Саша внутренне заметался. Куда прыгать? И тут, почувствовав, что клетка рядом, он прыгнул. Он САМ прыгнул.

Когда Саша вернул себе человеческий облик, восторг его был безграничен. Получилось! Правда, у него опять возникли странные для человека порывы, но в этот раз они не застали врасплох, и он быстро сумел подавить их. Ему захотелось проверить открывшуюся способность вновь. Немедленно. Он встал перед зеркалом, скрючился, почувствовал рядом клетку и без особого труда впрыгнул в нее.

Свершилось. Шестиклассник Токарев гулко захохотал, как злодей из мультика, и состроил страшную рожу перед зеркалом. «Я умею! – запрыгало у него в голове. – Во дела! Вы у меня опупеете!» Никаких остаточных явлений уже не было в помине. Саша сел на пол и задумался. Превращаться только в телевизор было бы глупо – это ясно. Вдруг его способность распространяется и на другие вещи? Проверить бы… На глаза ему попался музыкальный центр. «Прекрасно, – сказал себе Токарев, – в тебя-то я и превращусь». Сосредоточился и стал… опять телевизором.

«Правильно, – вдруг понял Токарев, – так и должно быть». Начиная с этой ночи он превращался только в телевизор, и его организм привык. Чтобы обернуться другой вещью, надо что-то добавить. Что? Может быть, в момент превращения представлять не просто клетку, а вещь в виде клетки? Саша привычно сжался, представил себя музыкальным центром – и вновь оказался телевизором. Тут до него дошло: он ведь не все учел. Вещь мало представить, ее надо *чувствовать*. Впрочем, те, кто равнодушен к вещам, не поймут это.

Очередная попытка была весомой заявкой на успех: пловец наконец допрыгнул до воды. Получилась из Саши помесь телевизора с кассетной стереосистемой. Желанная для покупателей новинка. Это вдохновило его: еще несколько опытов – и он добился своего, стал-таки музыкальным центром.

В нем проснулся азарт. С наслаждением Саша Токарев принялся качать свою силу – силу, которая делала из него вещи. Он был настойчив, как настоящий спортсмен, и в результате полностью овладел свалившимся на него даром. Стоило ему теперь только представить вещь, почувствовать ее, и она жадно вбирала его в себя.

Несколько обстоятельств выяснил Саша, экспериментируя.

Во-первых, когда он превращался в маленькие вещи, то они получались гигантскими. Например, авторучка была у него толщиной с бревно. Большие вещи, наоборот, уменьшались до величины мальчика. Во-вторых, находясь в облике предмета, он мог посмотреть в любую сторону, даже назад, надо было лишь повернуть голову. Точнее, то, что казалось ему головой. И наконец, чтобы превратиться, совсем не обязательно было скрючиваться. Главное – ощутить внутреннюю скованность.

И еще одна деталь. Как бывший фанат книжек с грифом «Фантастика», Саша ввел обозначение того, что он делает: превращение в вещь назвал «прямым переходом», возвращение в человеческий вид – «обратным переходом».

В конце концов он утомился и решил устроить тихий час.

Вскоре закончатся уроки в школе, и Алекс наверняка притащится. «Ну, я им всем покажу», – подумал Саша неизвестно о ком, блаженно растянувшись па кровати. Да, наконец-то ему повезло. Часок он вздремнул…

Наступила ночь третья. Обвиняемый

13.

…и, наверное, зря я днем спал. Потому что время уже почти двенадцать ночи, родители вовсю дрыхнут, а мне не заснуть. И вправду, как тут заснешь?

Капитальный был денек. Коррида! Первую половину дня, после того как эта способность во мне вылезла, я силищу набирал, тренировался. А потом пришел Алекс, испортил тихий час. Как ни хотелось мне ошарашить его, показать пару чудес, я все же сдержался. Раззвонит везде, растреплется. А мне еще нужно было Жарова хорошим манерам поучить и, главное, с Душманом разобраться. И вообще, идеек много. К тому же, зачем Алексу мои фокусы, если он, как пришел, сразу прилип к игровой приставке. Вещь и в самом деле стоящая, засасывает, как курево. (Правда, курить я давно бросил.) Обращаться с приставкой легче легкого: подсоединил к телевизору – и балуйся с любой из пяти игр, которые мне батя припас. А игры здесь покруче кино будут! «Карманные монстры», «Ты, робот», «Фродо против Терминатора» – одни названия чего стоят! Сплошной киберпанк, фантастика.

Козел этот Алекс! Я знаю – друзей обзывать некрасиво. А чужие диски бить красиво? Он мне кислотную группу «Судороги Эм-Си» раздолбал! Лучшее в моей будущей коллекции! Я этот диск на медосмотре у Хлумова выменял за пару папиных книжек, и вот теперь… Мало Алексу игры было, так он захотел марсиан под музычку сшибать, полный кайф ему, видишь ли, нужен был. А у меня из-за него теперь только коробка осталась на память… Да, правильно, что я этому олуху ничего не сказал.

А Жаров вообще обнаглел. Я не успел осколки от «Судорог» выбросить, как он мне позвонил. Говорит: «Я уже пообедал и сейчас за магнитофоном заскочу. У меня, – говорит, – день рождения. Только раз, – говорит, – в году». Ну, Барабанище! Набил емкость котлетами и поплясать захотел, чтобы утряслось.

Решил я ему немножко аппетит испортить. А то еще вырастет эгоистом – все «дай» да «дай». И заодно Алекса научить примерному поведению. Короче, устроил хохму. Потихоньку перетащил аппарат из своей комнаты на кухню, потом сказал Алексу, что быстро сбегаю в магазин, и если Жаров заявится раньше, чем я вернусь, – надо отдать ему музыкальный центр. Алекс там среди марсиан резвился, поэтому даже не обернулся,

головой махнул и спросил:

– Колонки тоже отдать?

– Колонки у него свои есть.

– Угу, – буркнул Алекс и больше не сказал ни слова.

Вот тебе и «угу»! Я входной дверью погромче хлопнул, потом потихоньку просочился по коридору к себе, сел на тумбочку и осуществил прямой переход. Стал музыкальным центром. И когда пришел Петя Жаров, Чернаго оторвался от марсиан и преспокойно отдал меня. Алекс сказал:

– Куда бы ты без Токинга, Барабан!

Мне было приятно. А Жаров напомнил, что мы с Алексом приглашены на его день рождения, и что часа через два можно приходить – будет много ценных конфет и торт из мороженого.

Как Барабан меня пер! Пыхтел, жиром истекал, руку через шаг менял. И ведь, кабан такой, неаккуратно нес! Два раза о перила стукнул: на моей лестнице и на своей. А по пути чуть не уронил. Я даже обмер весь – после обратного перехода, чего доброго, дефективным бы стал. Но обошлось.

Втащил меня Барабан в квартиру. Полез было в сервант, – наверное за конфетами, – вдруг ойкнул, пробормотал: «Колу забыл!» – и тут же побежал в магазин. Я ждать его не стал, превратился обратно и тоже ушел. Кстати, тогда мне смешная мысль в голову пришла: эдак можно квартиру обчистить, и никто не догадается. Шерлок Холмс ведь давно умер.

Потом я вернулся домой как ни в чем не бывало. Алекс все еще балдел – жал на кнопочки и даже подпрыгивал, когда попадал. Он меня «успокоил»: все в порядке, мол, приходил Жаров и унес аппарат. Наконец, добив последнего марсианина, оторвался от пульта и сказал, что пора собираться к Жарову на день рождения, подарок поискать, шею помыть, переодеться. А я ему наврал, что здоровье после «махача» с Душманом подорвано.

– Извинись, – говорю, – там за меня, скажи, дескать, у Сашки раны болят. Не пойду я.

Алекс отнесся с пониманием. И ушел собираться.

На часах – без пятнадцати двенадцать. Первый раз так. Всегда раньше считал, что очень хорошо засыпаю. Только положил голову на подушку – и уже будильник трезвонит. А тут две ночи подряд какая-то ерунда. И сейчас – вообще не заснуть… Пробовал даже баранов считать, но они в козлов вроде Алекса с Жаровым превратились и разбежались.

Очень я развеселился после того, как шутку отмочил. Но есть закон: чересчур развеселишься – обязательно какая-нибудь подлянка случается. Так и сегодня. После Алекса, как повелось, Маринка в гости пожаловала. Не может она без меня и дня

прожить. И прямо с порога ляпнула:

– Ты чего, мотаешь?

Я ей фингал показываю и мужественно объясняю:

– С одним негодяем рассчитался.

Она все сразу поняла:

– Душман побил? – и деликатно посочувствовала: – Больно небось?

Впрочем, эта трепотня к делу не относится. Подлянка была совсем в другом. Мы посидели, еще потрепались, я предложил Марине досмотреть мультики, она, дурочка, не захотела. Зачем-то рассказала, что сегодня на уроках проходили. Я, конечно, про свои новые таланты – ни словечка. Знаю, сорвет в воспитательных целях мне все планы. Потом я вдруг вспомнил о старом магнитофоне – чего это он у меня на антресолях пылится – и предложил Марине вместе бизнес сделать. Всего-то от нее требовалось: поспрашивать у женской половины класса – может, нужен кому аппарат? Заодно и порекламировать. В хорошем ведь состоянии! И продаю по дешевке. Я Марину бы не обидел, целый год… нет – всю четверть у меня бы задарма мороженое кушала. Так она от злости на цаплю стала похожа, смотрит на меня, как на лягушонка. Сказала, что я такой же скучный пройдоха, как Хлумов, и что вещи мои теперь интереснее, чем я сам. Швабра! И я еще работал на нее, сочинения ей клепал… Кстати, чего она на Хлумова взъелась? У него дома, между прочим, компьютер есть. Не простой, а крутой, куча гигагерцев, гигабайтов, всякие там сканеры и камеры пристегнуты. Ему батя подарил, не пожмотился. Хлумов на этом компьютере умеет всё. Не просто в клавиши тыкает, как «чайник», а управляет процессами. Развлекается вовсю, в настоящие игры играет – не то, что у меня. А мой папаша, похоже, иссяк в смысле денег…

Я вздохнул. На будильнике было ровно двенадцать. В этот момент…

14.

…раздался звонок в дверь. Саша еще раз посмотрел на часы и удивился. Кто мог прийти в такую поздноту? Он подождал. Родители почему то не всполошились и вообще никак не отреагировали. Крепко спали, наверное. А может, звонок прозвучал именно для Саши? Треньканье повторилось, и он, нехотя выбравшись из-под одеяла, побрел открывать.

– Кто там?

– Инспектор, – ответил низкий, очень солидный голос.

«Пойти разбудить родителей», – мелькнула мысль. Саша тут

же одернул себя: «А я что, маленький?» И открыл.

Вместо здоровенного мужчины, соответствующего такому голосу, на пороге стоял человечек в строгом костюме – ростом не больше Саши.

– Вы откуда? – растерянно спросит Токарев.

– Я с чердака, – серьезно ответил гость.

«Из ЖЭКа, – решил Саша. – Шутит». Он сказал:

– Сейчас позову родителей.

Инспектор остановил его:

– Я к вам, номер двадцать три.

– Какой номер? – не понял мальчик.

– Из второй квартиры, – объяснил инспектор – Третий человек. Получился учетный индекс двадцать три, то есть ваш.

Он вошел в квартиру и по-хозяйски направился в Сашину комнату со словами: «Следуйте за мной». Саша пошел за ним, завороженный. Инспектор закрыл дверь комнаты, забрался с ногами на постель, затем достал откуда-то из под пиджака ворох документов и начал их просматривать. Был он весь какой-то пухленький, пузатенький, словно бы и не настоящий, и вместе с тем очень уверенный, серьезный, деловитый.

– Я пришел составить протокол, – строго заметил он – Ты мне сейчас признаешься, учетный, а я зафиксирую показания.

– Вы из милиции? – пролепетал струхнувший школьник. – Но я ничего такого… Честное слово! Я еще ничего не продавал.

Гость поморгал.

– Я с чердака. Вы не расслышали? Следите за губами: с чер-да-ка!

Саша струхнул еще больше. Бандит? С чердака…

– Вы обвиняетесь, – буднично сообщил бандит. – После подтверждения вашей вины вам грозит полный демонтаж.

– Я не виноват, – возразил Саша испуганно.

– Бездоказательно. Факты, разумеется, против вас.

Саша немного успокоился. Бандиты так себя не ведут. В сериалах по телеку их постоянно показывают. Бандиты держат пальцы веером, носят пиджаки, как у клоунов, редко бреются, растирают дорогими ботинками окурки и к тому же постоянно сплевывают.

– Нет никаких фактов! – возмутился он.

– Вам следует это доказать.

– Кто обвиняет, тот и доказывает, – сказал Токарев. Он хорошо знал, как ведется следствие. Папин друг дядя Сева рассказывал. Еще такие слова употреблял… как же это… «А-а!» – вспомнил Саша и вслух уточнил: – Презумпция невиновности.

– Не поможет, двадцать третий. Ты виновный. Я тебя сейчас

обвиню и дам два дня, чтобы ты попытался оправдаться. Как и положено.

– Слушайте! – Саша справедливо рассердился. – Что за «двадцать третий», не нравится мне эта кликуха! Меня зовут Токарев!

А сам подумал: «Псих какой-то».

– Неподотчетных допускается маркировать именами собственными, – немедленно откликнулся инспектор. – Параграф сто пять хозяйственного кодекса.

– И доказывать я ничего не стану! И вообще, спать пора.

– Правильно решили, Токарев, – приветливо сказал человечек. – Доказывать вам нечего. Уверяю вас, чистосердечное признание облегчит ваш демонтаж.

И вдруг он стал заметно больше. Будто спохватившись, он тут же уменьшился и некоторое время как-то вибрировал, пока не принял прежние размеры. Саша обомлел. Гость после паузы продолжил:

– Перейдем к сути. На вас поступила вопиющая жалоба по поводу принудительного выселения части граждан, проживавших в этой квартире, в ночь с первого на второе сентября.

– Каких граждан? – удивился Саша. – Нас здесь трое.

– Позвольте, – немедленно возразил инспектор. – Здесь числится… – он засунул руку глубоко за пазуху, неловко покопался там и вытащил какую-то бумажку, – минуточку… тысяча двести семь граждан. Между прочим, такие, как вы, здесь не числятся. Вы идете по другому списку, по инвентаризационной ведомости стихийных сил. Вот, пожалуйста: человек номер один, номер два, номер три, то есть вы, кошка, кактус…

«Псих, – окончательно решил Саша. – Бывают такие деловые психи, дядя Сева рассказывал. Называются „стеничные шизофреники“…»

– Часть указанных граждан, – продолжал псих, – была преступно вытеснена из своих клеток и теперь вынуждена ютиться на свалке. Жалоба поступила от них.

– Ладно, все ясно, – ухмыльнулся Саша. – Лично я никого не выгонял. Может, родители? Пойду разбужу…

Он подошел к двери и дернул за ручку. Дверь не шелохнулась. Он надавил изо всех сил. Тот же результат. Дверь было не открыть.

– Двадцать один и двадцать два не участвуют, – произнес ему в спину инспектор-псих. – А мы с вами разговор не окончили.

Саша повернулся. В нем опять шевельнулся страх. Кто сидит на его постели? Не бандит, не милиционер и не псих…

– На вас, Токарев, еще имеется справедливая анонимка, –

невозмутимо продолжил странный товарищ. – Документ проверен – факты подтвердились. Установлено, что вы самовольно пользовались клетками. Теперь вы обязаны, во-первых, немедленно отказаться от применения незаконно присвоенной способности, во-вторых, отчитаться об обстоятельствах присвоения вышеуказанной способности. Можете ли вы что-нибудь ответить по существу выдвинутых обвинений?

– Я не знаю, – растерянно ответил Саша.

– Тогда вы имеете право сфабриковать доказательства своей невиновности. Срок – два дня. А теперь распишитесь в протоколе.

Инспектор протянул бумажку, которую только что заполнил. Там значилось: «Я не знаю». Таковы были Сашины показания.

Токарев повиновался. Никто никогда не просил его расписаться! Ему наконец стало интересно. Визит был явно неспроста, присутствовала какая-то тайна, и это было здорово. Очень важный вопрос встал перед ним: «Кто живет вместе с нами в квартире?» Но посетитель уже соскочил с его кровати и бодро направился к выходу.

– Ждите завтра, – сказал инспектор, выходя из квартиры. – Вы поставлены на учет. А у меня много работы.

И пошел вверх по лестнице. Ну, денек! Взбудораженный, Саша вернулся в комнату, лег и…

День третий.
Проказник

15.

…когда он проснулся, было четвертое сентября – рядовой, самый обыкновенный день. Во всяком случае, именно таким хотели бы видеть этот день Сашины родители, одноклассники и учителя. Они привычно торопились, мучительно зевали, давились завтраком, они еще ни о чем не подозревали.

Первым преподнес сюрприз кактус.

Кактус с незапамятных времен рос на подоконнике в большой комнате квартиры Токаревых. Он всегда был домашним, уютным, «своим», и давно уже считался полноправным членом семьи. Точно так же, как, например, кошка Шери или младший Токарев. Но это утро кактус встретил в каком-то особенном состоянии. Он издавал звуки. Звуки были примерно такие: «Иу-у-у! Бж-ж-ж!» Это напоминало эффекты «Карманных монстров», и Саша даже испугался, что забыл на ночь выключить игровую приставку. Внешний вид растения тоже изменился. Иголки стали твердыми, блестящими, словно хромированными, и к тому же искрили. Кстати, когда Саша дотронулся до кактуса, то почувствовал покалывание электрических разрядов. Он удивился, но не очень сильно, по-настоящему удивительных событий ему и так хватало.

Далее действие переместилось в школу. Перед первым уроком состоялся неприятный разговор.

– …Сашка, честное слово, я ему отдал! Ты в магазине был, Жаров пришел, и я отдал! Честное скаутское!

– Вы что, дураки, меня же папаня убьет! Может, еще поищете?

– Да нет! Жаров все обыскал. Вчера весь вечер плакал, говорит – выскочил за лимонадом, тут твой аппарат и свистнули. Прямо у него из квартиры, сечешь?

– Ну, вообще… Где этот дурак-то сам?!

– На пустыре сидит, боится в школу идти. Решил, что мы с тобой его бить будем. Саня, честное слово, я ему отдал!..

Первым уроком опять была математика. Матильда опытным взглядом высмотрела синяк на лице шестиклассника Токарева и громогласно обратилась к нему:

– Мало того, что ты математику не учишь, Токарев, так даже драться не научился, – а потом, посуровев, стала выпытывать: – Кто тебя ударил? Ну-ка, отвечай!

– Сам упал, – надувшись, буркнул ученик.

– Значит, испытал на себе закон всемирного тяготения, – тонко сострила учительница. – Ладно, садись, потом с классным руководителем разберемся.

Урок продолжился. Марина и Саша не разговаривали – мириться они пока не собирались. Саша мечтательно смотрел в пространство и невнятно бормотал: «Ну, Душман, ну я в такое превращусь, ну ты запомнишь мой прямой переход..». Лена Печкина, глядя на молчащих соседей впереди себя, смекнула шестым чувством, что настало ее время. Она приступила к активному обхаживанию Саши путем щипания, подталкивания и нашептывания всякого вздора.

– О чем это ты задумался, Токарев? – раздался над его ухом грозный учительский зов. Он по привычке посмотрел на Марину, но та отвернулась.

Мария Теодоровна сокрушенно произнесла:

– К доске вызывать ведь смысла нет, правда, Токарев?

– Не зна-аю… – промямлил Саша.

– Опять замечание писать? Не поможет. Что ж, давай дневник, для твоего же блага.

Учительница осквернила главный документ школьника первой «парой» и строго добавила:

– Мерецкая! А ты куда смотришь! Проследи-ка, чтобы Токарев занимался.

Марина в ответ только хмыкнула.

После урока с учительницей случилась неприятность. Настолько несуразная неприятность, что, предупреди ее заранее, она бы осадила на месте непрошеного доброжелателя. Мария Теодоровна отнесла журнал в учительскую и вернулась обратно. В классе никого не было.

– С доски не стерто… – недовольно проворчала она и плавно опустилась на свой любимый стул.

Впрочем, она ошиблась – это был вовсе не стул. Мария Теодоровна обрушилась на пол, коротко ахнув от неожиданности, затем секунду пребывала в положении, никак не соответствовавшем ее роли в обществе. И тут же взвилась, гневно озираясь. С пола поднимался испуганный Саша Токарев, приговаривая:

– Я не знал… Я только хотел шнурок завязать… Я не знал, что вы на меня сядете… У меня шнурок развязался, а вы взяли и сели…

Лицо учительницы на секунду стало жалким.

– Токарев! – воскликнула она и замялась, не зная, что и сказать.

– Шнурок развязался, – продолжал нудить ученик, явно

собираясь захныкать, – а вы взяли и сели…

– Вытри с доски! – нашлась Мария Теодоровна. Лицо ее задергалось, и она скомандовала, забыв предыдущий приказ: – Всем в коридор!

Остаток перемены Саша просмеялся. Даже на вопросы заинтригованного Алекса не мог ответить, только выдавливал через силу:

– Всемирное тяготение ей подавай… Раз закон, значит, терпите…

На большой перемене произошел инцидент. Семиклассник, известный под кличкой Душман, стоял в укромном уголке школьного двора и курил. Он культурно отдыхал. К нему развязно подошел шестиклассник Токарев, начисто забывший, кто есть кто.

– Отдай часы, волосатый, – поигрывая желваками, попросил шестиклассник.

Душман обалдел. Даже сигарету выронил из вялых губ.

– Опять он, – сказал удивленно. – Неужели человеку одного фингала мало? Не понимаю я таких.

– Отдай часы, а то хуже будет.

– Может, пойти навстречу товарищу? – Душман принялся размышлять вслух. – Я ведь отзывчивый. Сделаю второй фингал хорошо, симметрично.

– Ты меня еще не знаешь, – предупредил дерзкий шкет.

– Почему не знаю? – озадаченно произнес Душман. – Знаю. Ноги об тебя вытирал? Вытирал. Замечательно вытер. – Посмотрел на ботинки. – А сейчас грязные. Придется повторить.

Он вздохнул, лениво подошел и так же лениво ударил. Затем хрюкнул и согнулся пополам, прижимая к животу руку. Поразительная штука! Ему показалось, что он влепил кулак в статую с веслом – вроде той, что стоит на школьном стадионе, только меньше. И попал прямо в пустой каменный глаз.

– Я предупреждал, – сказал торжествующий голосок. Никакой статуи рядом не было, только тот самый наглый щенок, и Душман разогнулся.

Щенок сказал, самодовольно сияя:

– Урод ты ушастый, а не Душман! Отдай вещь и чеши отсюда. Я ведь еще не бил. Смотри, ударю.

Это было чудовищно. Такого Душман не испытывал и в кошмарных снах. Какой-то сопляк смеет… Сопляк тем временем начал кланяться до земли, как маятник, раз, другой, третий. Душман понял, что над ним издеваются. Он озверел. И вломил без размаха, но в полную силу, как надо… Тут же полетел, врезался в землю, даже перевернулся разок. Ощущение было

такое, будто его шарахнуло качелями. Если бы Душман успел что-нибудь заметить, он бы увидел, что это действительно были сильно раскачанные детские качели. Сквозь шум в голове он услышал слова:

– Свои часы я взял. Вставай скорей, а то уже урок начался.

И, как в тумане, увидел удаляющуюся фигурку.

Жизнь в школе продолжалась. На третьем уроке произошел любопытный эпизод. Завхоз обнаружил в вестибюле длинную скамейку из физкультурного зала на четвертом этаже. «Хулиганов развелось», – подумал он и снял двух десятиклассников с урока, чтобы немедленно вернуть скамейку на прежнее место. Десятиклассники добросовестно исполнили порученное и вернулись на урок. Через десять минут завхоз, вновь проходя по первому этажу, убедился, что скамейка стоит на прежнем месте. Тогда он ворвался на урок и потащил их разбираться. Уже в вестибюле обнаружилось, что скамейки там нет, и красный завхоз подумал, что теперь даже кефира в рот брать не будет. Говорят, в нем тоже есть градус.

В этот день директриса улучшала материальную оснащенность школы. А именно: в ее кабинет внесли новый стол, кресла и стулья, старую же мебель справедливо распределили по кабинетам подчиненных. Никто не заметил, что стульев внесли на один больше, чем значилось в комплекте. После этого на ближайшей перемене разыгралась настоящая драма. Из запертого кабинета директрисы доносились сочные звуки ударов и душераздирающие детские вопли такого содержания. «Я все понял! Ой, больно!.. Я больше не бу-у-уду!..» На этом фоне особенно жутким казался голос директрисы, который спокойно излагал правила поведения в школе. Всю перемену у двери метался обезумевший завуч, который тщетно стучался к своему начальству, отгонял испуганных детей и одновременно делал вид, будто ничего особенного не происходит. Когда прозвенел звонок и дети наконец разбежались, он открыл дверь взятым у завхоза ключом. Кабинет был пуст. Работал магнитофон, прокручивая записанную для школьного радиоузла праздничную речь директрисы. Естественно, без всяких воплей.

Кроме того, в школе в этот день имели место и другие происшествия, участники которых впоследствии либо ссылались на собственное переутомление, либо недобро поминали захвативших школу дегенератов.

Например, в самом конце одной из переменок, когда уже прозвенел звонок, находившиеся в учительской педагоги вдруг обнаружили, что выход загорожен намертво застрявшим в дверном проеме гимнастическим «козлом». Учителя очень

спешили, поэтому вынуждены были преодолевать спортивный снаряд, кто как умеет. Одни перелезали, другие проползали низом, самые энергичные – вроде учительницы пения – совершали опорный прыжок. Физкультурник устанавливал порядок, приговаривая: «Жаль, подкидной доски нет».

Были и еще случаи. На последней перемене Матильда, войдя в свой кабинет, споткнулась о невероятных размеров классный журнал, лежавший на полу в развернутом виде. На каждом листе было только название предмета и ее фамилия с проставленной в четверти двойкой. Дойдя до математики, гордая Мария Теодоровна заплакала… Буфетчица позорно бежала из столовой, уверяя встречных, что пирожки были вполне доброкачественные, а какой-то подросток превратился в скелет, сжимающий в зубах пирожок. Когда взбудораженная толпа ворвалась в столовую, никакого скелета, разумеется, не было.

О других же маловероятных событиях остается только сказать: «Ну, ва-аще!»

Иначе говоря, Саша Токарев хорошо поразвлекся в этот день – с выдумкой, с огоньком. А потом вспомнил о Марине. Вернее, она сама о себе напомнила, когда демонстративно приняла приглашение некоего мальчика из параллельного класса покататься на спортивном велосипеде. (Собственно, Саша проименовал мальчика по-другому: «Одна сволочь».) Они договорилась так: после уроков расходятся по домам, затем новый друг берет дома велосипед и заезжает за Мариной. Тут уж Саша все припомнил: и ее вечные подколы, и вчерашние оскорбления…

В нужное время он сел в засаду возле собственного подъезда. Он видел, как некий мальчик подкатил на велосипеде, спрыгнул и весело побежал приглашать Марину. Саша, не дрогнув, пропустил «эту сволочь» мимо себя. Дальше он не медлил. Скользнул к вражескому велосипеду и спровадил его в густые кусты неподалеку. Затем с мрачной решимостью занял позицию, превратившись в точно такой же двухколесный механизм.

Марина выскочила принаряженная, в брючках. Вокруг увивался некий мальчик. Они непринужденно беседовали, и Саша подумал, стиснув зубы: «Щебечите, птички!» Однако ясную картину предательства портило то обстоятельство, что Марина почему-то встревоженно озиралась, будто боялась встретить кого-то. Не Сашу ли?

А затем произошло следующее. Марина оседлала мнимый велосипед и резво закрутила педалями. Некий мальчик потрусил следом, разъясняя особенности спортивных машин, но она прибавила ходу. Мальчик оставался еще где-то за домом, когда

Марина, объехав кругом, подъезжала к подъезду. В этот момент Саша резко мотнул головой, и руль вывернулся из ее рук. Норовистый велосипед сбросил девочку прямо в лужу, широко раскинувшуюся после ночного дождя, сам же на полной скорости въехал в кусты.

Марина, опираясь рукой о колено, тяжело поднялась на ноги и выбралась на берег, едва не упав снова. Ее пошатывало. Лицо было залеплено грязью, у блузки белой осталась только спина, а модные брючки и вовсе напоминали одежду работника канализационной службы. Вид у нее был очень жалкий. Тут и некий мальчик подбежал. Он завизжал, мигом утратив возвышенное состояние души:

– Где велосипед, Мерецкая?

В ответ Марина заплакала. И побрела в парадную, прихрамывая.

– Где?! – крикнул мальчик вдогонку.

– Э, фильтруй базар, – сказал вылезший из кустов Токарев. – Там конкретно твой драндулет.

Ломая ветки, мальчик последовал в указанное место.

Удивительно, но Саша почему-то не испытывал удовлетворения. Скорее, наоборот…

16.

…я понял, что мне жалко Марину. Ей, конечно, было больно. Зря я не подумал об этом раньше. Глупая получилась месть, да и стоило ли вообще мстить? Тем более девчонке. И чего я так разобиделся? Бывало, по-всякому обзывались, а потом самим же смешно делалось. С велосипедом, кстати, сейчас мне все ясно стало. Марина тоже дура: куснуть меня хотела, позлить. А я, между прочим, и так уже злой был. Зацепила она меня вчера с этими вещами… Может, я и в самом деле поглупел? Дурацкое сочинение не мог написать. Еще летом собирался Уэллса в библиотеке взять. Рацию забросил… Но за глупость кусать нечестно!

Тихо в квартире. Первый раз не тянет что-нибудь включить. А ведь поначалу все вместе врубал – кайф ловил. Почитать, что ли? Шкаф не открывается…

И вообще, как-то стыдно. Мщу, ерунду вытворяю. Кстати, вчерашний хмырек с чердака превращаться мне запретил. Словом смешным грозился – «демонтаж», я запомнил. Если этот псих, конечно, не приснился. У меня в детстве так бывало: во сне добрался до горшка, а утром оказывается – нет… А вдруг я влип со своими шуточками? Уж больно странный был этот «пришелец».

Может, действительно, я каким-то инопланетянам поперек дороги встал? Наверное, не стоило мне превращаться. Ведь чувствовал же! А удержаться не мог – все мы, Токаревы, такие, заводные.

Да, кстати! Мне еще доказывать надо, что я не верблюд! Инспектор явно дело шил: самовольно, мол, хапнул способность. Надо бы пораскинуть мозгами. Такие дела творятся! Что-то он там про граждан плел, вроде бы я выселил кого-то в ночь перед вторым сентябрем. Между прочим, тогда в самом деле подозрительная ночка была. Скрипы, кряхтение, завывание из шкафа. Уж не сидел ли «гражданин» в шкафу? А потом начались заморочки: со шкафом, с красками, с пианино. Следующей ночью я в телевизор превратился. И понеслось! Сегодня утром с кактусом фигня какая-то. Может, все это друг с другом связано и что-нибудь означает?

Начала в моей голове мысль наклевываться. Я, правда, не успел понять какая, потому что меня отвлекли. Заявился Алекс с очень важным делом. Оказалось, он пришел попрощаться. Петя Жаров решил сегодня же бежать из дому – ехать на Север и зарабатывать на музыкальный центр, чтобы мне вернуть – и Алекс должен ехать вместе с ним. Дело чести. Алекс был суров, немногословен – короче, готов к испытаниям. Рукавицы попросил и еще сказал:

– Хочу с твоим папашей переговорить, про Норильск разузнать.

Норильск – это город такой за полярным кругом. Батя говорит, что там находится рай для умных пройдох, которые умеют никель в золото превращать.

Стремный поворот! Надо же, что придумали, идиоты! Настроение мгновенно поднялось. Смех из меня рвется, я даже опух, сдерживаясь, а тут звонок в дверь, и заходит – кто бы вы думали? Лена Печкина! И сразу спрашивает:

– Получил назад свой комбайн?

Я не стал им ничего объяснять. Зачем? Я просто пошел, включил аппарат и поставил Свистни Свинс. Алекс прибежал, выпучив глаза:

– Откуда это у тебя?

– Шутка, – говорю я и снова смеюсь.

Смотрю, Алекс в лице переменился. Посерел, будто пылью покрылся. Наверное, понял, что я их мастерски наколол. А потом, вместо того, чтобы восхититься и начать выспрашивать, процедил:

– Ну ты и сволочь.

Он не стал ждать, пока я досмеюсь и объясню ему все толком, он взял и ушел, добавив вместо «пока»:

– Набить бы тебе, Токарев, морду для профилактики.

Я всегда знал, что Чернаго – грубый дурак.

А Лене Печкиной было так же весело, как и мне. Я, конечно, не раскрыл ей свои секреты и все такое. К тому же чувствую – настрой снова киснет. Захотел отвлечься. Музыка крутится, почему бы не потанцевать? Так прямо и сказал:

– Печка, давай потанцуем.

– А целоваться не полезешь? – вдруг спросила она. И покраснела. Я даже возмутился:

– Вот еще, очень надо.

Я так и не понял, обрадовалась она или огорчилась, но танцевать мы начали. Потоптались немного, тут нам и помешали. Пришел с работы папа. Печка сразу засмущалась, отодвинулась от меня подальше, громко попросила какие-то учебники, а когда я сказал, что нет у меня никаких учебников, она заторопилась домой. И напоследок ляпнула:

– Хорошая у тебя музыка, Токарев. Жаль, у Алекса нет такого музыкального центра.

Я, конечно, не выдержал:

– Ну и дуй со своим дураком Алексом на Север!

Она похлопала глазами и упорхнула. Стрекоза.

Пока не пришла мама, у нас в квартире было спокойно. Мы с папой занимались видиком, экспериментировали с разными форматами записи (перекачивали в память всякую муру, которую по телевизору передавали). Я намекнул, что неплохо бы нормальных дисков прикупить, он обещал подумать. А мама все испортила. Ворвалась сердитая, – наверное, на работе втык получила, – и тут же дневник у меня потребовала. Ясное дело, чем это закончилось. Учился я ведь всего-ничего, а уже полный набор в дневнике имею: пару-парашу схлопотал у Матильды, директриса дебильное замечание впаяла… Мама на меня наорала и прогнала делать уроки.

Я хотел вечером «телек» включить, так мне и этого не дали!

Ну, предки! Окончательно настрой убили, а ведь так клево день начинался. Обидно.

Уроки я, понятно, делать не стал. Вот еще! Решил родителей повоспитывать, а то все они меня – надоело… Взял полотенце и отправился в ванную, будто бы мыться. На самом деле я шутку одну придумал, рискованную, между прочим. А что? Я такой – смелый! Правда, не всем это заметно. Кроме того, мне интересно стало: смогу ли. Оказалось, могу!

Разделся я, забрался в пустую ванну, лег и превратился в воду. Ощущение было довольно-таки непривычным. Впервые я почувствовал себя растекающимся, ничем не скованным, даже

задремал ненадолго. А потом пришел в себя и увидел, что надо мной склонилось испуганное мамино лицо. Мама кричала, наверное, папе:

– Тут только вода в ванне, а его нет!

Меня вдруг закрутило, потащило куда-то, я с ужасом понял, что мама выдернула затычку, мою голову засосало в темную дыру, и через секунду…

Ночь четвертая. Неподотчетный

17.

…Саша Токарев мчался по трубе канализации в неизвестном направлении. Поначалу он струсил: ему показалось, что он вот-вот распадется на неисчислимое множество маленьких Токаревых. Он пустил в ход все имеющееся у него мастерство и немного сгустился, прекратив тем самым опасный распад. При этом едва не переусердствовал – еще чуть-чуть, и он застрял бы в трубе непонятно в каком виде.

Саша вынырнул в одном из питерских каналов, по счастью, не слишком далеко от дома. Не теряя времени, он осуществил обратный переход. Особенно удачным было то, что в его распоряжении оказалось полотенце, которое он случайно взял в руки перед превращением. И когда Саша добрался до берега, он обвязался этим полотенцем в определенной части тела и пошлепал домой, притворяясь индийским йогом.

Дверь открыла мама. Увидев одетого не по сезону сына, покрытого к тому же разводами мазута, она бессильно привалилась к косяку.

– Ты где был, мерзавец?!

– Мылся, – стуча зубами от холода, сказал Саша. Потом добавил, неловко соскребая с себя грязь: – Ма, а где мочалка?

Тут прибежали папа и кошка. Втроем они втащили Сашу в квартиру и вихрем закрутились вокруг него. Опомнился он уже в своей постели – отмытый, накормленный, пристыженный.

Перед тем как заснуть, Саша неожиданно вспомнил. Была мысль, которую отогнал приход Алекса! Очень неясная, едва осознанная мысль. И вот какая. Превращения начались с телевизора, кроме того, «отходняк» имел телевизионный характер. Видимо, это не случайно. Но почему именно телевизор? Очень просто: Саша уважал телевизор больше всего. Без других вещей еще можно было прожить, а без телека – никак. Потому-то с него все и началось…

Саша проснулся оттого, что кто-то дергал его за ухо. Он открыл глаза, успел заметить над собой нависший документ и тут же зажмурился: свет был включен.

– Распишитесь в моем приходе, – прозвучал начальственный голос.

Саша спросил, еще до конца не проснувшись:

– Сколько времени? – и приоткрыл один глаз.

– Пишите: два часа пять минут.

Пухлый пальчик потыкал в бланк.

– Подпись ставьте здесь.

В руке у мальчика обнаружилась авторучка, и он послушно расписался, второй раз в жизни. После чего окончательно проснулся.

Это был инспектор.

– Вам что, родители открыли? – уточнил Саша.

– Неподотчетные номер двадцать один и двадцать два отключены, – объяснил ситуацию инспектор. – А дверной замок нам как-нибудь подотчетен. – В его голосе прорезалась гордость.

Затем он уверенно подошел к письменному столу и опустился на стул с таким видом, будто здесь и было его рабочее место. Отодвинул в сторону Сашино барахло, расчистив себе поле деятельности, достал неизвестно откуда кипу бумаг, набор канцелярских принадлежностей – в общем, устроился очень основательно. При этом оказался спиной к лежащему Саше, что отнюдь не помешало ему в работе.

– Двадцать третий, именующийся Токаревым, – скучно заговорил он. – Ты злостно нарушил предписание о неприменении незаконно присвоенной способности.

– Я… – Челюсть у Саши вдруг затряслась, и он заныл: – Я нечаянно… я не хотел… оно само, честное слово…

– Но в настоящее время, – монотонно продолжил инспектор, – этот факт не является основанием для демонтажа ввиду снятия с вас главного обвинения. Согласно существующим правилам, главное обвинение становится известным обвиняемому лишь после его снятия или во время демонтажа. Поэтому теперь могу сообщить. Вы обвинялись в нарушении первой обязанности подотчетных мне граждан: не покидать и не менять клетку. Но подозрение о том, что вы гражданин, скрывшийся из своей клетки и меняющий облик, не подтвердилось. Таким образом, будучи всего лишь человеком, то есть неподотчетной стихией, вы подпадаете под действие только хозяйственного права или законов о непреодолимой силе.

При словах «хозяйственное право» Саша ощутил в животе вакуум. Почему-то пришло на ум, как хозяйственно поступают с поросятами и цыплятами. Вспомнилась худенькая куриная ножка, съеденная за обедом. Он случайно посмотрел на свою голую ногу.

Страшноватая была речь. Саша понял из нее только одно: во время прошлого разговора его почему-то посчитали не совсем человеком Но почему? Он всегда был уверен: нужно доказывать, что ты примерный ученик, отличник или, наоборот, что ты не

щенок и умеешь классно махаться. Но доказывать, что ты человек?.. И потом, как определили, что он все-таки не сбежавший откуда-то «гражданин», а нормальный школьник? Саша потребовал разъяснений.

– Отвечаю по порядку, – сказал инспектор, по-прежнему не удостаивая подозреваемого взглядом. – Первое. Поскольку вы скрывались в разных клетках, используя при этом формодержащую силу, мы сделали вывод, что вы наш гражданин. Второе. На сегодняшний день все граждане зарегистрированы на своих местах, – следовательно, вы не являетесь гражданином. Кроме того, вы превращались в воду, что подтвердило вашу вопиющую нецелесообразность.

– Что такое цесо… целесообразность? – спросил Саша. Ни папа, ни дядя Сева таких слов не употребляли.

– Это когда гражданин знает, зачем он, – объяснил инспектор – Вот, например, зачем вы, Токарев?

Токарев открыл и закрыл рот. Очевидно, сказать ему было нечего. Инспектор снисходительно покивал:

– Конечно, вам не ответить. Вопрос «зачем вы?» имеет смысл только в случае вашего хозяйственного использования. Сами по себе вы не целесообразны.

– Кто это меня использует? – слегка возмутился Саша.

– Как кто? Мы. И год от года расширяем сферу вашего применения.

Саша недоверчиво хмыкнул. Инспектор надолго затих, казалось – он о чем-то задумался. О чем-то крамольном, нехорошем, – во всяком случае, взгляд его некоторое время опасливо блуждал по комнате.

– Вообще-то, двадцать третий, общаться с вами – значит подрывать мой устойчивый моральный облик. Кто-нибудь может подумать, что я занимаюсь мистикой или разговариваю сам с собой… Все-таки жаль, что вас невозможно подвергнуть демонтажу, жаль.

– А что со мной можно сделать? – дерзко спросил Саша.

– Укротить, как разбушевавшуюся стихию, – просто ответил инспектор.

Вот теперь необходимо было съязвить. В самом деле! Приперся какой-то микроб пузатый – и корчит из себя крутого, грузит, напрягает, лапшу вешает на уши!.. Но шутка не состоялась: что-то шлепнуло Токарева по макушке. Это упала со стены картинка, изображающая иностранную буровую вышку, – папин подарок.

Инспектор прокомментировал:

– Например, так. А могла бы упасть и полка.

Полка с учебниками висела как раз возле кровати. Мальчик осторожно посмотрел вверх и поежился. Да-а… Угроза была весома.

Инспектор встал и степенно прошелся по комнате, держа ладонь за лацканом пиджака. Кстати, нелепый у него был пиджак. Вместо пуговиц – застежки, как у портфеля. Потом он остановился, неожиданно согнулся пополам, заглянул под шкаф и снисходительно произнес:

– Приветствую. С какого числа на заслуженном отдыхе? С первого?.. Поторопились, дорогой мой, хотя воля ваша…

Саша опешил. Никого там, под шкафом, не было, кроме старого ранца, с которым еще папа ходил за двойками. Токарев забросил его туда именно первого сентября. Инспектор принял надлежащий вид.

– Значит, так, Токарев. Разговаривать мне больше не с кем. Не стоит давать лишнего повода для упреков в неупорядоченном романтизме… Но подумать только, тебя, такого бессмысленного, раздольного, зыбкого, еще обвиняли в вытеснении граждан из своих клеток!

– Это не я… – машинально отреагировал мальчик.

– Да-да. Допросы пострадавших показали, что вторжение было произведено неким неопознанным гражданином.

И тут Саша задал вопрос, давно вертевшийся у него на языке. Он спросил, ощущая пробегающий по спине холодок:

– Господин инспектор, а кто из граждан пострадал?

– В ночь с первого на второе нападению подверглись… – инспектор задумался, вспоминая, – шкаф книжный, стол письменный однотумбовый, фортепиано «Таймыр»… и так далее. Впрочем, я сейчас уточню.

Саше внезапно стало жарко. В голове его образовалась каша, и при этом он, как ни странно, все-все понимал. Отдельные разрозненные события соединились в одну цепочку.

– Как я раньше не допер! – вскричал он, подпрыгнув.

Между тем инспектор осуществлял поиск списка потерпевших, сосредоточенно шаря где-то глубоко под пиджаком. Дело это оказалось непростым. Судя по положению его руки, он уже добрался чуть ли не до спины. Даже пару застежек расстегнул. И вдруг в результате неловкого движения пиджак распахнулся. Хлынул поток бумаг и папок, но инспектор судорожно дернулся, подхватил его и мгновенно запихал всё обратно. Саша успел заметить, что внутри этот канцелярский работник состоит из нескольких отделений.

– Беда с застежками, – впервые смутился инспектор.

– А вы что, чемодан? – тихо спросил Саша, проверяя свое

открытие.

Тот помолчал немного. Лицо его посветлело, разгладилось, губы тронуло подобие улыбки.

– Вы не поверите, но начинал я портфелем, – сказал инспектор почти растроганно. – Трудное было время. Помню себя таким свежим, пахнущим кожей, до краев набитым очень важными документами. Я часто лежал на диванах, кроватях – отдыхал после напряженной работы. С тех пор я люблю лежачие места. Были и тяжелые испытания. Однажды во мне оказались березовый веник, соленый огурец и какая-то незнакомая мне бутылка. Наверное, это был несчастный случай. Потом меня заслуженно заметили, стали продвигать, я добился права изменяться физически и морально, и теперь я работаю на чердаке. Я теперь…

Инспектор вдруг умолк. Стал медленно разбухать, наливаясь значительностью, навис над комнатой, недобро огляделся. Комната будто вздрогнула. Затрепетали занавески, скрипнула кровать, заурчало в батареях. Саша сделал вид, что не испугался.

– У вас что, на чердаке министерство?

– Как?.. Не-ет, чердак – это… Это Чердак! Контролируем подотчетных в квартирах, учитываем проявления природных сил, осуществляем надзор – в общем, заведуем. Мне доверили сложный участок. Пока справляюсь.

Инспектор увлекся. Но от избытка информации голова у Саши давно шла кругом, и он вскоре перестал различать слова. Интересный рассказ превратился для него в сплошной бубнеж. «… А недавно демонтировали одного невменяемого. Утверждал, что граждане сделаны людьми. Бедняга! Я был против крайней меры, предлагал принудительный ремонт…» Чтобы лучше было слушать, Саша забрался под одеяло, устроился поудобнее…

День четвертый.
Боец

18.

…и, честно говоря, я не заметил, когда этот хмырь убрался на свой чердак. Обидно, заснул на самом интересном месте. А утром проснулся больным. Не так чтобы очень. Просто горло побаливало и все такое, – короче, вчерашнее купание в канале аукнулось. Мама вызвала врача, выдала мне антигриппин, сказала что, у нее сегодня комиссия, и ушла на работу. Я доволен, в школу идти не надо.

Стал прикидывать, чем бы заняться: расследовать дальше или в «Мстителей» поиграть. Но когда увидел Шери, то понял, что дело явно принимает серьезный оборот. Кошка выкидывала странные фортели. Во-первых, она царапала когтями розетку. Во-вторых, на моих глазах она положила лапы на музыкальный центр и зацепила когтем клавишу включения. Заголосила неугомонная Свистни. В-третьих, Шери перестала двигаться, как нормальная кошка, плавно и мягко. Движения ее теперь были резкими, как у электрической игрушки. Кроме того, она принималась время от времени мурлыкать что-то похожее на «ты мой котенок, ты мой мурёнок», иногда сбиваясь на «хей, свистни токсик!». Ошизел я слегка: не для моих нервов такие зрелища. Хотел выгнать ее на улицу проветриться, да она не пошла!

Волей-неволей, а котелком пришлось поварить по-настоящему – как я умею, если надо. Тем более, ночной разговор из башки не вылазит все утро. Вот задачка! Поверить пузатому инспектору – значит, самому себя в психи записать. А с другой стороны, как не поверить: что-то несусветное ведь творится! Оказывается, в нашей квартире больше тысячи граждан проживает. Вещи себя гражданами возомнили и нас ни в грош не ставят. Потому что мы, видите ли, нецелесообразные и неподотчетные. Надо же такие слова придумать!

Между прочим, кто для них тела делает – то, что они клетками называют? Мы. И без наших клеток им одно место – на помойке. Они-то, небось, думают, что когда-то давным-давно произошли от нас, от стихий, а теперь сами по себе существуют. Да, инспектор много странного наговорил. Будто они используют нас, учитывают, ставят на службу. И между прочим, это очень похоже на то, что мы сами про природу думаем. Например, включаю я утром музыкальный комбайн, протираю замшей

панель, а получается, что это он мной включился, мной почистился. Точно так же, как я считаю, что меня будит утро и умывает вода… Мы для них – силы природы, вроде ветра, леса. Инспектор так со мной и разговаривал, будто с морем, прямо как Пушкин, – мол, «прощай, свободная стихия». А вдруг и нас, людей, тоже кто-то смастерил?.. Хотя, наверное, не туда я забрел. Как сказал бы инспектор, занимаюсь «мистикой и неупорядоченным романтизмом». В общем, они уверены, что с нашей помощью двигаются, чинятся, ломаются, – короче, мы работаем на них, а не наоборот.

Неужели это правда?

С точки зрения вещей – правда. Надо же! Действительно ведь, многое из того, что мы делаем, с самого начала вызвано вещами и предназначено для них А мы еще кричим на каждом углу, как мы свободны и разумны! Смех один. И при этом думаем, что, кроме нас, некому больше думать. В свою очередь, и вещи знают как дважды два: люди не могут думать или иметь хоть какие-то собственные цели. Кстати, в самом деле: какие у нас цели, кроме делания вещей?

Кажется, на папином дне рождения дядя Сева объяснял что-то в этом духе, про какие то три мира. Сидел, развалясь, положив локоть в тарелку с холодцом, и вещал, прикрыв глаза ладонью. Дескать, есть мир природы, мир людей и искусственный мир. Природа создала людей, которые сказали, что они ее венец, а люди создали вещи, и выходит, что вещи – венец людей. Каждый следующий мир пытается подчинить предыдущий, вместо того, чтобы слушаться, как дети взрослых, и учиться уму-разуму. Так говорил дядя Сева, а я внимания не обращал, и мама смеялась, пальцем у виска крутила.

Да, глупость и неправду пишут в фантастических книжках. Ищут повсюду цивилизации: и в космосе, и в океане, и даже под землей. А на самом деле другая цивилизация благополучно в наших квартирах устроилась, только никто об этом не знает, кроме меня. Короче, тайна раскрыта. Ладно, это все наука, ученые когда-нибудь наверняка разберутся. Хотя, если я расскажу им, меня точно в дурдом засадят. И вообще, рассуждать мне особенно некогда, того и гляди, жареным запахнет. Какое-то у меня смутное предчувствие, будто вокруг нас, «неподотчетных граждан», кольцо сжимается. Сначала приличные вещи – книжный шкаф там, пианино – из квартиры вытурили, одни дохлые тела оставили. Ни почитать теперь, ни поиграть. Потом старичок кактус вдруг задурил. Теперь кошка…

Или в них тоже кто-то влез? Точно! Инспектор ведь так и сказал – завелись, мол, у нас в квартире гады, – из ихних, из

«граждан», которые своих же вытесняют. Так, может, и за наших «неподотчетных» взялись? Между прочим, я-то сам…

Меня осенило. Это было как взрыв. Кто-то позапрошлой ночью засадил меня в клетку и еще лез туда вдобавок, а утром выяснилось, что это я просто в телевизор превратился. Кто мог такое подстроить? Уж не сам ли телевизор? Кроме него, некому. Значит, он и есть тот гад.

Я понял, что пришла пора действовать. От волнения у меня даже башка зачесалась. Я на цыпочках подкрался к большой комнате и заглянул в нее. Не было никаких признаков заговора, вещи совсем не казались живыми, а уж гражданами и подавно. Не знаю, впрочем, что я ожидал увидеть. Вошел и огляделся по сторонам, пробормотав:

– Затаились, уроды целесообразные?

Сказал и подумал: а вдруг телевизор в самом деле не один? В любом случае надо разобраться. Как это у них принято – допросить с пристрастием. Пусть оправдывается, пусть доказывает! Я с опаской включил телевизор и сел перед ним. На экране появились цветные полосы. Ну и что дальше? Я стал отрывистым голосом задавать вопросы, как в фильмах про шпионов, а когда перешел на крик, то понял, что со стороны выгляжу очень глупо. Не получался разговор по-мужски или хотя бы по-человечески… Тут сообразил: человек с человеком-то не всегда поговорить может! А с телевизором – вообще безнадега. Ясное дело, надо самому становиться телевизором.

Полосы на экране вдруг рябью пошли – знак, что ли? Или случайное совпадение? Ладно, там разберемся. Не успел я даже сосредоточиться, как произошел прямой переход. Вначале ничего не изменилось: стоим мы, два телевизора, друг напротив друга, и снова никакого общения. Хотел уж распрямиться обратно в человека, но слышу – вроде подсказывает кто-то: «Смотри изнутри вовнутрь!» Как это? Я удивился. Куда надо смотреть? Подумал и усек: изнутри себя – вовнутрь вещи. Не знаю, что я там сделал, всмотрелся как-нибудь по особенному или действительно «изнутри» взглянул, – во всяком случае, я увидел вокруг себя совсем другой мир. Все цвета исчезли, звуки тоже. От вещей остались только контуры, сильно смахивающие на клетки самых разных форм и размеров, внутри которых что-то неторопливо колыхалось. Как мы пообщались с телевизором – не знаю, по крайней мере, без слов. Странно, что раньше, когда я превращался в вещи, такого мира не замечал. Наверное, плохо смотрел. В общем, мы имели с телевизором разговор на высшем уровне, и в результате выяснилось следующее.

Телевизор, оказывается, любит людей. Долгое время он был

одинок в своей любви, потому что другие граждане не понимали его. Они пренебрегали людьми, считали их беспорядочно снующими сгустками бессмысленности, годными только для поверхностной эксплуатации. Этим твердолобым гражданам все было ясно. Ихние ученые давно вывели законы движения людей, даже наука есть такая: «Физика бессмысленных тел». Основных законов три. Первый – «Когда на человека не действуют никакие целесообразные силы, он спит или продолжает делать по инерции то, что делал до этого». Второй – «Полезность человека равна упорядоченности приложенных к нему целесообразных сил». Третий – «Действие одного человека вызывает противодействие другого». Косные старики, твердя о почитании законов, не придавали должного значения второму закону. И только отдельные представители прогрессивной молодежи, глубоко изучившие теорию, верили: люди не так необузданны, надо просто помочь им обрести целесообразность. То есть они хотели дать людям счастье. А счастье возможно только при постоянном, а не временном использовании, и даже не использовании, а непрерывном союзе, когда люди будут окончательно вытащены из мрачного хаоса в светлое царство порядка. Сейчас же, к сожалению, люди слишком часто остаются предоставленными сами себе.

Телевизор долго вынашивал мечту, но она так бы и осталась мечтой, если бы совсем недавно не появились у него товарищи, единомышленники. Сплотившись, они образовали маленькую, но – Систему. Телевизор употребил это слово с каким-то особенным волнением, даже трепетом. Только став Системой, они смогли осознать свой долг. Я, Саша Токарев, здорово помог тем, что бесперебойно снабжал их необходимой энергией. Это был новый вид энергии, не похожий на прежние. Раньше такой чудесной, сильной энергии телевизор от меня не получал.

В ночь на второе сентября телевизор с друзьями провел первое испытание. Были опробованы приемы непосредственного воздействия на объекты и попутно изгнаны из квартиры наиболее отсталые граждане, откровенно вредящие всему новому, передовому. На следующую ночь они пытались дать мне целесообразность, «упорядочить» меня, чтобы я пробудился и ответил – зачем я. Для эксперимента было выбрано ночное время, так как люди в этот период не подвержены тепловому движению. Но эксперимент не удался. Вместо того, чтобы научиться порядку, я отчего-то превратился в телевизор… Оказывается, той ночью в меня «порядок» запихивали! Кошмарики… После этого группа благодетелей поняла, что надо еще потренироваться на малых хаотических объектах. Чем они и занялись – с кактусом, а сегодня

с кошкой. Успешно, между прочим. Наша Шерочка и кактус теперь здорово упорядочены. Неожиданным результатом эксперимента стало то, что я научился принимать вид полноценного гражданина, упорядочиваясь постепенно. То есть я стал не только источником энергии, но и настоящим соратником. И теперь я должен очень ответственно отнестись к своей роли в их группе, потому что моя энергия питает все – не только их эксперименты, но и мою собственную способность превращаться. А Система с моей помощью получает возможность упорядочивать других людей…

Вообще-то, телевизор паршиво объяснял, – не то, что наша Матильда. А под конец и вовсе зациклился, когда стал рассказывать, почему он в Системе за центрового. Заладил одно: самый большой, самый сложный, самый тяжелый, самый энергоемкий…

Когда я обратно превратился, то эту речугу даже записал человеческими словами, чтобы не забыть. Ну, чистая фантастика! Похлеще Кира Булычева будет. Зато теперь-то все понял. Козел я и раззява! Урод ушастый. Радовался вещам, обхаживал их, уважал, как самого себя, а они под шумок вон что вытворяют! Какую-то энергию из меня качают, собираются чему-то там нас учить… А их целесообразность мне даром не нужна! Сам вижу: Шери и кактус так упорядочены, что плюнуть противно. Стыдно мне и обидно, и даже злость неизвестно на кого появилась – то ли на себя, то ли на группу этих благодетелей. И льстят они что-то больно подозрительно. Ничего не скажешь, опасная компания, и даже не компания, а банда какая-то, фашисты электронные.

Короче, я решил. Бесповоротно решил. Пора завязывать – самому исправляться и банду разгонять. Неужели я действительно ничего сам по себе не стою? Придумал так: раздам на время вещички. Потом, конечно, заберу назад, через месячишко. И Систему временно разъединю, и себя проверю, и вину перед друзьями искуплю. Родители, конечно, по головке не погладят. Зато первый раз в жизни поступлю, как в книжках про героев написано. Значит, Пете Жарову отнесу мафон, приставку – Алексу, часы Печкиной дам поносить, и диски ей же, а Марине ничего не надо: она слишком правильная. Я поднатужусь и сочинение ей накатаю.

Сделаю все это сейчас, пока ребята в школе. У всех у них дома есть бабушки. Отнесу и оставлю. Они домой вернутся – тут и приятная неожиданность. А с телевизором разберусь по-простому – сниму заднюю крышку и вытащу предохранители. Устрою мелкую диверсию. Авось поймет, где его место и кто тут хозяин. И видик без телевизора заткнется: показывать-то негде

будет… Самочувствие, правда, не ахти. Ничего, ребята близко живут, не свалюсь по дороге. А когда болеешь, говорят, полезно потеть. Начну с Барабана, он больше других пострадал.

Взял я музыкальный центр, вижу – туго придется. Как Петька его (то есть меня) пер? Дотащил до входной двери, стал открывать и вначале ничего не понял. Замок сломался, что ли? Повозился я, подергался – ни в какую. И тут до меня дошло. Происки банды! Запереть, значит, меня решили. Так я и через окно могу выйти, не гордый! Не зря же на первом этаже живу? С музыкальным центром повременю, возьму игровую приставку – и к Алексу.

Рама тоже не открывалась, шпингалеты заело. Ну знаете, это слишком! Стекло бить? А что, и разобью, подумаешь!! Вот возьму сейчас статуэтку орла, она как раз на пианино стоит – тяжелая, бронзовая… Не успел я в стекло шарахнуть. Замахнулся бронзовой птицей – и тут же выронил ее от боли. Смотрю, в руке у меня иголка торчит. Тут еще пара иголок мимо головы пролетела, и звуки космические раздались. Кактус! Колючками пуляет, предатель! Не стал я ждать, пока он в меня снова попадет. Бросился на пол и выполз в коридор. Ишь ты, снайпер в горшке! Знаю я, кто тебя стрельбе со звуками обучил. И вообще, за кого они меня принимают? Я ведь стесняться не стану, быстренько отвешу, молоток только возьму, а если он тоже возникать начнет, я и ногой могу.

Я вытащил иголку – глубоко вошла, зараза. Потом бросился в свою комнату за ватным одеялом. Думаю, накроюсь им, подберусь, как в танке, и обезврежу кактус. Но только я полез в тумбочку, как рухнула полка с учебниками. Чудом не накрыла меня! Я отскочил, сердце колотится. Еще чуть-чуть, и пришибла бы на месте! Предупреждал ведь инспектор: они и укротить могут, а потом скажут – стихия разбушевалась… Схватил я одеяло, – кстати, чтобы открыть тумбочку, мне пришлось помочь себе ногой, – затем занял исходную позицию в коридоре. Накрылся с головой и двинулся на четвереньках в большую комнату. Я собирался добраться до подоконника и перекинуть одеяло с себя на кактус. Обезврежу вражеский дот, а там и за вещи примусь. Но смелая атака захлебнулась, потому что на меня прыгнула какая-то тварь. Это было так неожиданно и так страшно, что я даже заорал. И почувствовал, как трещит под когтями моя тряпочная броня. Я извернулся, поймал тварь в одеяло и выбежал обратно. При этом получил две иголки – в плечо и в ногу. Больно…

В коридоре я понял, что тварь, молча рвущаяся из плена, – это Шери. Все верно, они ведь и нашу кошку обработали! Держу в

руках трепыхающееся одеяло и смеюсь почему-то – ну дурак дураком. Разве можно в такое поверить? Чтобы Шери, такая привычная, такая домашняя…

Ударить я ее не мог. Оставалось только засунуть подлую куда-нибудь. Стенной шкаф было не открыть, а с дверью ванной я и связываться не стал. Кухня?.. Пока бежал на кухню, с антресолей на меня обрушилось все барахло – дверцы «случайно» раскрылись. Но я только зубы стиснул. И затолкал кошку вместе с одеялом в бак для грязного белья. После чего решил заканчивать эту неприличную войну с собственным имуществом.

Я надел папин тулуп, ушанку и рукавицы. Вешалка, ясное дело, сорвалась, но меня это не особенно удивило. И вступил в большую комнату, пятясь задом. Я твердо намеревался приблизиться таким образом к кактусу, взять горшок рукавицей и запустить им в окно. Но я кое-что не учел. Иголка отскочила рикошетом от внезапно открывшейся дверцы серванта и попала мне в щеку. Тут во мне проснулось что-то зверское. Никогда такой злости не испытывал, довели они меня! Заметил под ногой бронзового орла, схватил его и с размаху вмазал по игровой приставке.

Война сразу окончилась. Кактус перестал стрелять, и вообще, я почувствовал, что напряжение в квартире упало, хотя внешне ничего не изменилось. Видно, банда поняла, что лучше не рисковать. Я подошел к окну, без помех открыл раму и выбросил кактус на улицу. Рассчитался с предателем. Настала очередь Шери – ее я выгнал на лестницу. Потом опустился на пол прямо посреди разгромленной квартиры и попытался успокоиться. У меня даже колени дрожали. Посмотрел я на то, что осталось от приставки: на покореженный корпус, на пластмассовый мусор, – в хлам разбита… И во мне шевельнулось что-то похожее на жалость. Неожиданно пришла в голову мысль, такая четкая и правильная, что я даже повторил ее пару раз…

19.

«…Началось все с любви», – подумал Саша.

Он сидел на подоконнике и рассеянно смотрел на улицу… «Я еще в лагере вещи полюбил, даже не видя. Наверняка это и есть та самая энергия, про которую телек говорил. А теперь, вот, крушить их начал». Ясное дело, убийство игры было оправдано: самозащита и так далее, – но все равно это, можно сказать, примитивщина. А раздавать вещи – глупее не придумать, потому что так ты только подтверждаешь свою слабость.

«Вещи нужно подчинить, – вдруг понял он. – Но как?»

Рассуждать можно о чем угодно, а вот пропала ли способность превращаться? Саша первым делом проверил свой дар. Ничего не получилось, и он, конечно, немного огорчился. А с другой стороны – успокоился: не будет теперь соблазна пользоваться чуждыми человеку силами ради мелких пакостей. И банда, наверное, осталась ни с чем: Саша ведь лишил их энергии. Правда, смутное ощущение опасности осталось. Не может быть, чтобы все так просто закончилось! И вообще, каким образом вещи собирались Сашу упорядочить?

Он сидел на подоконнике и пытался вникнуть в замысел вещей. Он долго так сидел, а потом к нему пришли друзья.

Собственно, вместе с друзьями пришел к себе домой и Саша, потому что ему неожиданно пришлось выскочить на улицу. Дело было так: он на секунду оторвался от тяжких раздумий и заметил, что какой-то бритоголовый отморозок пнул попавшуюся ему на пути детскую коляску, за которой, очевидно, никто не приглядывал. Коляска покатилась в сторону дороги. Саша рванул оконную раму, выпрыгнул в чем был и бросился спасать ребенка. Коляска была пустая, но зато этот поступок увидела Марина. Она как раз подходила к дому вместе с Алексом. Марина так посмотрела!.. Короче, уважительно посмотрела. Выяснилось, что Алекс шел к Токареву с официальным заявлением, а Марина решила поприсутствовать, чтобы не было «заводки» и «махача». Она сказала:

– Кулаки – это не аргументы.

Наверное, где-то вычитала. Но Токарев повел себя на удивление непринужденно, и Алекс был вынужден поздороваться. А когда друзья зашли к Саше в квартиру, все обиды улетучились окончательно.

Последние школьные новости были сообщены еще на улице. Петя Жаров купил у одного старшеклассника два билета, отдав все свои сбережения. На билетах было четко написано фломастером: «Санкт-Петербург – Север», но Алекс ехать отказался, поэтому билеты пропали. Матильда почему-то избегала садиться на стул и спрашивала урок, взгромоздившись на подоконник. Душман передавал привет Токареву, справлялся, не забыл ли тот, что второго сентября ему были отданы по ошибке часы марки «Закат», и вежливо просил вернуть их, когда Саше будет удобно. Взамен предлагал фотографию певицы Свистни Свинс в детстве. И вообще, в школе ходило множество нелепых слухов про каких-то двух десятиклассников, которые украли из медпункта телевизор и обменяли его у завхоза на гимнастический «козел», и про директрису, которая весь день зверски пытала в своем кабинете неизвестного школьника. А

самые проницательные подметили, что новый скелет в кабинете биологии подозрительно похож на одного ученика шестого класса.

В квартире после всего случившегося, конечно, был беспорядок, но гости культурненько не обратили на это никакого внимания. Алекс первым делом подбежал к игре – и… Он расстроился. Он даже загрустил. Очень загрустил. Никто и никогда не видел на лице у Алекса такого отчаяния. И Саша, чтобы утешить друга, был вынужден рассказать всю историю от начала до конца. Почему бы, в самом деле, не рассказать? На душе полегчает, а то, что не поверят, – так это, наверное, к лучшему.

Марина, естественно, не поверила, но обрадовалась.

– Ну ты заврался, – сказала она с долгожданным восхищением. – Я уж думала – ты совсем сдох.

И еще добавила, что имей она такую способность, то превратилась бы в мамину сумочку, чтобы мама всегда ее носила с собой. Алекс в свою очередь размечтался: он бы заделался журналом «Рыболов-спортсмен», и папа его изучал бы весь месяц. Вообще, Алекс отнесся к услышанному вполне серьезно. Он очень сокрушался о том, что такое ценное умение досталось не ему, растрачено по-дебильски (забыть подкол с музыкальным центром было трудно) и к тому же бесследно пропало.

Кстати, единственное, в чем Токарев не признался, было то, что именно он сбросил Марину в лужу. Не решился при Алексе. Отложил до более подходящего случая.

Затем Алекс пристал к Саше с требованием, чтобы тот показал ему подробно, как нужно сворачиваться. Вдруг у Алекса получится? Какое-то время они спорили, потом Саша со вздохом:

– Достал ты меня, – приступил к показу. И…

Марина взвизгнула. Чернаго раз десять повторил:

– Токинг, ты где?

Это было так, как будто, прогуливаясь по Невскому, ты проваливаешься в люк. Опять? Неужели опять в нем появилась зловредная энергия? На мгновение перехватило дыхание. Или теперь кто-то другой является источником? Алекс… Нет, не может быть. Алекс еще вчера хотел на Север ехать. Хотя, с другой стороны, он сразу зауважал вещи Токарева… Одно было ясно – эксперимент продолжается, и Саша вдруг ощутил усталость. Не ожидал он такого свинства. Совершенно был не готов. И даже вид обалдевшей Марины не развеселил его.

Друзья долго просили показать фокус еще раз. Но в конце концов убрались, потому что пришла мама и выпроводила их без особых церемоний. Мама вернулась слишком рано, она

отпросилась с работы ввиду болезни ребенка. К ее удивлению, переходящему в возмущение, ребенок не лежал смирно в кроватке, а вместе с товарищами перекрушил полквартиры и был, по всем признакам, здоров. Конечно, радость от выздоровления дорогого чада превысила раздражение, и мама, поругиваясь, стала наводить порядок.

Потом у Токаревых был врач, пристыдивший родительницу за ложный вызов.

А когда пришел папа, относительное затишье кончилось. В квартире начало штормить. Папа долго искал вешалку, споткнулся о барахло, упавшее с антресолей, начал постепенно роптать и, наконец, обнаружил разбитую игровую приставку. Дальше разыгралась сцена, в которой он солировал. Крики сменялись вопросами и наоборот. Близился занавес – папа принялся искать ремень. Но тут вступила мама, исполнив успокаивающую арию, и порка была отменена. Родители заперлись в спальне, самозабвенно споря о чем-то. Наверное, о методах воспитания трудных шестиклассников. Саша был отправлен в свою комнату до вынесения приговора, и именно в это время…

Вечер последний.
Герой

20.

…пришел новый гость. Точнее, гость уже присутствовал в Сашиной комнате. Конечно же, это был инспектор. Он расположился на кровати и, судя по всему, немного отвлекся, потому что, когда Саша потряс его за плечо, встрепенулся и замахал руками, бормоча:

– А?.. Что?.. Позвольте… Только в письменной…

В самом деле, бывший портфель с юных лет предпочитал лежачие места. Его взгляд вскоре прояснился, и он сухо сообщил:

– Незаконно вытесненные граждане возвращены в свои клетки. По факту чего оформлен соответствующий акт.

Взъерошенный Саша не очень обрадовался визиту. Даже «здрасте» не сказал. И тем более не поинтересовался, как гость попал сюда. Молча уселся рядом с ним на кровати, а в голове его шевельнулась безразличная мысль: «Теперь книжный шкаф откроется. Дождался Алекс своей фантастики». Потом все же едко сказал:

– Мне-то что до ваших граждан! Я буйная стихия, чего со мной лясы точить?

– Буду откровенен, Токарев, – твердо ответил инспектор. – В вашем случае я имею дело с новым явлением. Вы притворялись гражданином, некоторое время укрывались в полноценных клетках, причем собственных. Значит, вы… Вы – оборотень! Порядок взаимоотношений с вами, как с новым явлением, не определен никакими инструкциями, отсутствуют нормы учета, правила эксплуатации. Это страшно. Дело требует разбирательства, но я даже не знаю, обвинить вас или укротить на месте.

Саша с достоинством возразил:

– Я тут ни при чем. Это они виноваты, они! Я их всех расколол. Он сам признался.

– Кто? – сразу спросил инспектор, показав служебную хватку.

Саша пошел в атаку. Он был беспощаден и непримирим. Он заклеймил позором и окончательно разоблачил банду шестерых, возглавляемую дорогостоящим телеприемником. Во всяком случае, ему так показалось. Инспектор хмуро выслушал и сказал, кивнув:

– Да, похоже на правду… Это людисты, сплотившиеся в

Систему. Я это предполагал… – Он вдруг начал теребить замочки на пиджаке. Наверное, занервничал.

Саша спросил его в лоб:

– Почему я превратился в телевизор?

– Дело в формодержащей силе…

Саша нетерпеливо перебил:

– А при чем тут форма?

– При том, Токарев, при том. Благодаря этой силе граждане получают и удерживают форму, ведь право на форму имеет каждый гражданин. Когда форма окончательно упорядочивается, становясь устойчивой клеткой, гражданин достигает подотчетности. В данном случае получилось так. Телевизор пытался вытеснить тебя из твоей неустойчивой зыбкой формы, чтобы войти в нее самому и пользоваться ее могучей энергией. Но он не учел, что подействует своей формодержащей силой. Вот и стала твоя форма похожа на его клетку. Тем самым эксперимент был сорван, а ты запомнил процедуру упорядочивания.

Инспектор удовлетворенно окинул взглядом публику, состоящую из одного зрителя. В нем явно пропадал талант лектора общества «Знание». Впрочем, зритель не собирался оценивать его мастерство, он спросил, заикаясь от волнения:

– Зачем телек меня вытеснял?

– Чтобы наполнить тебя собственной целесообразностью, – без запинки ответил инспектор. И пока Саша переваривал эту дикую информацию, поспешил внести ясность: – Подлинно зрелые граждане считают подобную деятельность аморальной. Имеется в виду деятельность той безответственной молодежи, которая, как ни странно это звучит, любит людей. Эти максималисты еще упаковки не сбросили, а уже вознамерились передать людям достоинство и значимость истинного гражданина. Естественно, тем самым принижая себя до уровня этих беспорядочных сгустков вещества. Такие юнцы называют себя «системными», но добропорядочные граждане нелестно именуют их «людистами», а указанную деятельность – «людизмом»…

– Да подождите вы! – перебил его Саша, возбужденный до крайности. – Они что, хотели в меня вселиться? Да? Так это же преступление похуже… Хуже, чем на контрольной не дать списать!

– Это не преступление, – невозмутимо возразил инспектор. – В данном случае уголовно наказуемо только незаконное вытеснение граждан. И наказанием, если оно будет вынесено, никак не может быть демонтаж. Тем более, что их болтовня увлекла и некоторых уважаемых граждан. Они завлекают

сказками об объединении в одну большую Систему, для чего людей, как основную помеху, тоже нужно охватить Системой.

– Значит, вы собираетесь нас всех упорядочить?! – заорал школьник. – Как Шери, что ли? Испоганили животное!

Инспектор миролюбиво улыбнулся.

– Знали бы вы, как нам, крепким хозяйственникам, надоели эти крикуны и выскочки, особенно эти новые русские плееры. Придумали же себе девиз: «Не следует ждать любви от людей, взять ее – наша задача!» Недоучки! Они даже не представляют, как можно управлять такой махиной, так что, уверяю вас, никаких правительственных документов на этот счет не существует. Да они просто хотят все растащить и приватизировать. При-хва-ти-зировать!

Саша немного успокоился.

– Думаете, вы первые такие умные? – сказал он веско. – Мы тоже природу изгадили, а все, что плохо лежит, прихватизируем. Поэтому теперь дети дурачками рождаются и в эти самые, в киллеры идут! Вот хотя бы Душман из нашей школы… Между прочим, вашей Системе первой хуже будет! Если всех людей упорядочить, вы зачахнете, неужели непонятно? Раньше у вас, например, какой был срок службы? А теперь?..

– Да, да, – с готовностью откликнулся инспектор, – раньше хорошо было. Жили долго, целесообразности не теряли. А нынче молодых, горячих это вовсе не интересует, они каждые два года меняются согласно моде. Для них главное – Система. Я вам больше скажу, с Чердаком у нас тоже не все в порядке. И некоторые новые сотрудники, ну те, которые себя органайзерами называют, тоже – за Систему. А я бы всех этих органайзеров бибикающих с Чердака поганой метлой повымел, ексель-моксель…

Инспектор явно хотел продолжить, но посмотрел куда-то в угол и остановился на полуслове.

Наступила пауза. Саша не знал больше, что спрашивать, все было сказано. На всякий случай он решил уточнить:

– Значит, мой телевизор – главарь у людистов? Ну, типа олигарх?

Если по-честному, такая мысль доставляла ему некоторое удовольствие. Инспектор отмахнулся.

– Компания в этой квартире – мелочь, системка. Руки до них как-то не доходили. Хотя за ними есть кое-кто повыше – Его лицо неожиданно стало жестким, замкнутым. – Но теперь я ими займусь.

– Александр! – вдруг раздался зычный папин голос. – Ну-ка иди сюда, паршивец!

Разговор закончился. Саша растерянно посмотрел на инспектора, пробормотал: «Я сейчас», – и отправился к родителям. Он был слегка оглушен новыми обстоятельствами дела. Вернее, не слегка, а весьма. У него даже в ушах стучало.

В напряженной тишине родительской спальни прозвучали грозные слова:

– Запрещается смотреть телевизор и видеодиски, а также включать музыкальный центр! Не только сегодня, но и завтра!

Саша молча выслушал приговор и вернулся обратно.

Окно было распахнуто настежь. Он подбежал, перегнулся через подоконник. Внизу, на асфальте, лежал портфель. Лучше сказать – то, что было когда-то портфелем. Лопнувший по швам, с выдранными замками, с многочисленными резаными и колотыми ранами. «Это инспектор», – вдруг сообразил Саша. На глаза у него навернулись слезы. «Точно!» Изумленный, он смотрел вниз. Что тут произошло? Несчастный случай?

Инспектора было жалко. В общем, неплохой дядька, душевный. Вот только должность его портит: во все вмешивается, заставляет оправдываться, пристает по пустякам. А теперь… Вид изувеченного портфеля был ужасен. Ничего не скажешь, умелая работа. Создавалось впечатление, будто в инспектора силой пихали что-то большое, массивное, с острыми углами. И он не выдержал. Лопнул… Саша похолодел от страшной догадки. Его убили! Это политическое убийство! Системщики поняли, что засветились, и решили остановить зануду…

Под окном неожиданно появилась дворничиха. Она завопила:

– Ты че портфелями бросаисси! Не вишь, помойка рядом! Ишь, барь, подбирай тут за ним!

Она взяла тело погибшего гражданина и понесла его к мусорному баку, вдохновенно осуждая нынешнюю молодежь.

Саша завопил:

– Подождите! Это инспектор!

Но дворничиха уже решительно подошла к месту и, не колеблясь, завершила печальную церемонию. Все было кончено.

Саша закрыл окно. Тут на глаза ему попался мятый клочок бумаги, валявшийся на подоконнике. Он развернул бумажку.

«ВОПРОС: Вы признаете себя виновным?

ОТВЕТ: Нет.

ВОПРОС: Значит, вы пока отказываетесь признать себя виновным?

ОТВЕТ: Но я же не виноват!

ВОПРОС: Потому до сих пор и отказываетесь.

ОТВЕТ: А что мне за это будет?»

Очевидно, это были обрывки протокола чьего-то допроса. Вот и все, что осталось от бюрократа. Вот и все.

Жалко.

Саша упал на кровать и замер. Через некоторое время мама просунула в дверь голову и сказала:

– Сашуля, мы с папой идем к дяде Севе, у него день рождения. – И шепотом добавила: – Да не грусти ты так. Папа у дяди Севы быстро оттает.

– Не вздумай включить телевизор! – донеслось из прихожей серьезное папино предупреждение.

Родители ушли.

«Действительно, – подумал Саша, – у дяди Севы сегодня день рождения». Он лежал ничком на кровати и в очередной раз все-все понимал. Ему было даже слегка не по себе. Впрочем, ощущалась и смутная гордость: еще бы, расколол такую задачку!..

«Цель банды вещей – приручить меня, ну и, конечно, всех нас. Они собрались сделать из нас заводных дурачков, которые будут с утра до вечера работать на них. И главное – любая классная вещь может стать этим самым „людистом“, то есть ответить любовью на любовь, если человек даст ей свою энергию. Вот в чем ужас. Они все не плохие и не хорошие, они целесообразные, и поэтому непонятно, с кем, собственно, нужно бороться. Так и прокукуешь всю жизнь в клетке.

Похоже, Хлумов уже приручен. Правда, он нисколько не расстроен этим. Во многом он лопух и останется им навечно, но… Хлумов прекрасно знает, где что продается и в какую цену. Он считает в уме, урча от удовольствия, причем намного быстрее Матильды, в особенности любит считать доходы. А как он владеет игрой „Крупный бизнес“! Все шестиклассники увлечены „Крупным бизнесом“, но Хлумова теперь победить невозможно. В глазах его частенько прыгают цифры – так же, как на экране компьютера… А некий мальчик со спортивным велосипедом? Может, и он тоже? Плюс Алекс, который потихоньку завидует? Плюс другие шестиклассники, с их мобильниками, майками, нашлепками?»

Примерно такие странные вопросы бродили в голове у Саши Токарева. Когда же они ему надоели, вдруг возник новый вопрос, куда более насущный. Что будет дальше? Здесь, В ЭТОЙ КВАРТИЕ?

Он вскочил. Он ужаснулся.

Папа в последнее время здорово изменился. Появилась в нем какая-то новая энергия – страшно знакомая. Как папа теперь смотрит на «видик»! Примерно так он раньше смотрел на маму… Цепочка ясно видна. Сначала шкаф с пианино, потом Саша,

кактус, Шери… И если эксперимент продолжается, то этой ночью – очередь за папой. Система упорядочит его! А потом? Каждый вечер мама пилит папу за то, что он купил электронный хлам вместо настоящих вещей. Ведь ей позарез нужны кожаное пальто и кожаные брюки. Зачахнет она без кожаных шмоток, и все тут. Папа раньше был против этих «понтов», а теперь обещает напрячься и купить.

Саша заметался. Надо было что-то делать. Немедленно. Бежать на чердак, звонить дяде Севе, смываться из дому?.. Потом он немного успокоился. «Спасу родителей, – твердо сказал он себе. – Но как? Раздолбать вдребезги всю банду? Купят новую, а меня отправят на заслуженный отдых – в интернат для дефективных. Попробовать победить распоясавшееся железо? Сумею, наверное. Ведь я его уже ни капельки не люблю… Кстати, насколько меня успели упорядочить? Смог же я разговаривать с портфелем, пообщался с Системой в моей квартире…»

Откровенно говоря, Саша Токарев был в отчаянии. Ни в чем он не был уверен, потому что имел очень слабое представление о том, как побеждают вещи. В груди стало холодно и тесно – от понимания собственной слабости. Может, все-таки отдать Алексу что-нибудь? Да нет, батя тут же заберет обратно…

План действия родился сразу. Странный это был план, непродуманный, болезненный. Да и приводил ли он хоть к какому-нибудь результату? Неизвестно. Во всяком случае, план предполагал четкие действия, а когда есть возможность действовать, исчезают и слабость, и отчаяние.

Саша сделал следующее. Включил телевизор, нашел по одной из программ весьма скучную, но познавательную передачу «Вечер в Эрмитаже», в которой давался очень важный материал по залам № 217—221, и поставил видеосистему на запись. При этом он стирал из памяти классные мультфильмы. Затем сунул в проигрыватель музыкального центра диск для изучающих древнегреческий язык – из комплекта «Повторяй за нами». И стал записывать ее прямо на кассету с суперхитами Свистни Свинс. Ему было жалко, невыносимо жалко, но он терпел. Ему хотелось остановить эту пытку, но он держался. Рушилось то, к чему он успел так привязаться.

Саша лег на кровать и попробовал думать о том, как усядется сейчас за пианино, сыграет «собачий вальс». Или как достанет книжку из шкафа: стекла-то снова двигаются. А завтра пойдет обследовать чердак, чтобы не дать этой истории закончиться так просто. Но милые сценки почему-то плохо представлялись ему, и тогда шестиклассник Александр Токарев заплакал.

Он повторял сквозь слезы, наверное, чтобы успокоиться…

21.

«…Пусть все сотрется. Пусть».

И тут я заметил, что индикаторы записи не горят – ни на видике, ни в музыкальном центре. Значит, и запись не идет? Но я же включал! Честное скаутское! Я же включал!..